

ВЛАДИМИР
МИЛЬЧАКОВ

КЛАССИКА СОВЕТСКОГО МИЛИЦЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ТАКИХ ЩАДИТЬ НЕЛЬЗЯ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Владимир Андреевич Мильчаков
Таких щадить нельзя
Серия «Тайный фронт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74621046

ISBN 978-5-00269-314-6

Аннотация

«Таких щадить нельзя» – увлекательный криминальный детектив, раскрывающий судьбу простого фронтовика Дмитрия Бубенца, оказавшегося под подозрением в убийстве легендарного коммуниста Александра Лобова и рассказывающий об охоте сотрудников уголовного розыска на матерого рецидивиста Каракурта, чья банда совершила серию вооруженных ограблений.

Книга повествует о сложных жизненных испытаниях, дружбе, любви и справедливости, переплетающихся с историей расследования загадочного преступления.

Содержание

Глава 1. Ночной выстрел	5
Глава 2. Ищи убийцу	34
Глава 3. Это сделал чужой человек	43
Глава 4. Дела семейные	75
Глава 5. Операция не удалась	96
Глава 6. Страницы прошлого	110
Глава 7. Забота о сыновьях	133
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Владимир Андреевич Мильчаков

Таких щадить нельзя

© Мильчаков В. А., правообладатели, 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава 1. Ночной выстрел

Новенькая, шоколадного цвета «Победа» свернула с асфальтированного шоссе на проселок. Сразу же резко снизив скорость, она покатила среди хлопковых полей. Мельчайшая лёссовая пыль, взвихренная колесами машины, долго не садилась на землю. Она, медленно клубясь, висела над дорогой, непроглядная, как дымовая завеса. Кусты хлопчатника, росшие около дороги, давно сделались бархатно-серыми от пыли. Лишь постепенно в глубине поля они принимали свойственный хлопчатнику изумрудный цвет.

Местность, по которой мчалась машина, была характерна для полевых просторов республики – хлопковой житницы Советского Союза: поля не тянулись сплошными массивами, а были разбиты на отдельные участки-карты. Границами каждой такой карты являлись арыки. По берегам арыков частыми и ровными шеренгами росли тутовые деревья. То тут, то там шеренги коренастых и кущих деревьев тутовника прорезали тонкие, взлетевшие высоко вверх стрелы серебристых тополей. Однако эти зеленые рубежи не ограничивали взгляда, не замыкали его в тесные границы своих квадратов. В этом месте долина отлого повышалась, далеко впереди переходя в поросшие зеленой травой привалки. А за привалками, казалось, плыли в горячем мареве жаркого дня высокие, но совсем не мрачные и не грозные горы. Сейчас, яр-

ко освещенные солнцем, они были окрашены в целую гамму цветов от нежно-розового, улыбающегося, до задумчивого светло-коричневого. Снеговые вершины гор сняли под солнцем, как груды чисто выстиранного, в меру подсиненного, но еще не выглаженного белоснежного белья. И такими же чистыми, оторвавшимися от снеговых вершин казались миллионы коробочек раскрывающегося хлопка. Богатый урожай хлопка вырос на полях республики, щедро залитых горячим азиатским солнцем. И над всем этим великолепием природы звенели наперебой победные песни жаворонков.

В полях, мимо которых проходила машина, не было ни души. Вероятно, колхозники находились на других участках, где прилив урожая был еще более яростным.

Машина уже с полчаса катила по проселку, а сидящие в ней водитель и пассажир не проронили ни слова. Водитель, веснушчатый паренек, сдвинув кепку козырьком на затылок, сосредоточенно хмурия белесые, выгоревшие брови, внимательно следил за дорогой. Густой слой пыли предательски заровнял, загладил все ухабы на разъезженных колесах проселка.

Пассажир, широкоплечий коренастый человек, лет пятидесяти с лишком, сидел, опершись правой рукой о дверцу со спущенным стеклом, и с явным удовольствием оглядывал окрестности. Залетавший в окно ветерок трепал крупные кольца его длинных и густых, но совершенно седых волос. Лишь сплошная седина да глубокие морщины над пере-

носицей и около рта говорили о долгой и беспокойной жизни, которую прожил этот человек.

Шофер остановил машину. Узенький мостик горбился над пересекавшим дорогу арыком. Покопавшись в багажнике, шофер вытащил брезентовое ведро и, спустив из радиатора кипятка, начал заливать его холодной арычной водой.

Вылез размять ноги и пассажир. Поднявшись на небольшой пригорок, он, прищулив от солнца глаза, огляделся. Невысокий, чуть выше среднего роста, он, видимо, обладал недюжинной силой и завидным здоровьем. Полнота, свойственная людям его возраста и телосложения, только намечалась. По тому, как этот человек, откинув голову, с веселым любопытством и удовольствием оглядывался вокруг, можно было безошибочно сказать, что он любит природу, любит свежий ветер широких дорог. Чувствовалось, что ему простор полей больше по душе, чем самый комфортабельный и уютный кабинет. Забегая вперед, отметим, что близкие друзья этого человека знали, как любит он бродить по горам и лесам с рюкзаком за спиной и ружьем в руках. Хотя, соответственно эпохе и занимаемому положению, он пользовался легкой машиной лучшей марки, друзья знали, что в глубине души он считает самым удобным способом передвижения верхового коня. Костюм военного покроя из дорогой светло-коричневой материи сидел на нем красиво, как привычная обношенная одежда.

– Александр Данилович! – окликнул шофер засмотревше-

гося на что-то пассажира. — У меня готово. Можем ехать.

— Подожди, Ванюша, — не оглядываясь, ответил тот. — Вон, кажется, Абдукадыр ходит. Шофер взбежал на пригорок и, встав рядом, со своим хозяином, долго вглядывался вдаль.

— Не вижу, — сказал он сконфуженно.

— Ну где тебе, — усмехнулся Александр Данилович. — Вон видишь, старый тополь? Вон тот, у которого сухая макушка. Так, на два пальца левее. Видишь теперь?

— Не вижу, — признался шофер.

— Глаза тебя, Ваня, подводят.

— Ну нет, Александр Данилович, — обиженно запротестовал Ваня, — на комиссии врачи оказали, что зрение — норма.

— Врут твои врачи.

— Ну, может, которые и врут, так ведь не все же. А тут все как один говорят, что норма... — защищался Ваня. — Да вы, по-моему, ошиблись. Никого там нет.

— А вот увидим, — улыбнулся Александр Данилович. Он вдруг засунул в рот четыре пальца, и неожиданно пронзительный, все заглушающий свист взвился над полем. Шофер болезненно сморщился и, зажав уши ладонями, сбежал с пригорка.

С минуту стояла тишина. Даже песни жаворонков смолкли. Но вот откуда-то издалека донесся ответный крик:

— ... дер ака-а-а... у-у-у-у!

— А, что я тебе говорил? — торжествуяще взглянул пассажир на шофера. — А ты... «Ошиблись, Александр Данило-

вич!» Эх, Ваня, Ванюша, что мне с тобой делать?

Шофер обожающим взглядом уставился на своего хозяина.

– Ох, и глаза у вас! А уж свищете... Вот бы мне...

– Ну, ты смотри, у себя в гараже друзьям не вздумай рассказывать, – с напускной строгостью, поблескивая озорно глазами, предупредил Александр Данилович шофера: – А то ведь вы народец аховый, пустите звон по всему городу: мол, начальник, депутат и всякая такая штука, а свищет, как соловей-разбойник.

– Да что вы... – даже побледнев от мысли, что его могут принять за болтуна, заверил своего хозяина Ваня. – Да разве я без понятия... Да я никогда...

– Ну, то-то же. А теперь давай подождем Абдукадыра Мергена. Старик, небось, лупит сюда во все лопатки.

Но и ожидая Абдукадыра Мергена, Александр Данилович не мог усидеть без дела. Простор полей и свежий ветерок с гор возбуждающе действовали на его энергичную натуру. Вначале он исследовал, сколько в среднем коробочек имеет каждый кустик лежащего около дороги хлопкового поля и на какой урожай с гектара могут рассчитывать его хозяева. Затем проверил мостик через арык и убедился, что сельсовет не следит за состоянием мостов на дорогах своего участка. В конце концов, он предложил Ване научить его основным приемам бокса. Но шофер, посмотрев оценивающе на кулаки Александра Даниловича, предусмотрительно отказался.

Он даже отошел подальше от своего неугомонного хозяина. И вот тут-то и произошло событие, которое привело Ваню в восхищение и запомнилось ему на всю жизнь.

Отойдя метров на двадцать от своей машины, Ваня заметил на лежащем по другую сторону дороги камне что-то непонятное, до сих пор им невиданное. Подойдя ближе, он рассмотрел свившуюся в кольцо змею. Ваня уже поднял камень, чтобы подбежать поближе и разmozжить гадине голову, но, подумав, со всех ног кинулся обратно к машине:

– Александр Данилович, там змея! – Где?!

– Во-о-он, на камне... Метров тридцать отсюда!

Но от машины змея была не видна. Александр Данилович перешел на противоположную сторону дороги. Теперь камень и лежащая на нем змея были как на ладони. С минуты он вглядывался в нее и определил:

– Ядовитая. Таких щадить нельзя. Надо уничтожить.

– Я ее сейчас, камнем, – вызвался Ваня.

– Подожди, Ваня! – остановил шофера Александр Данилович. – Возьми камешек поменьше. Нет, нет, совсем маленький возьми. Вот этот будет подходящим. Теперь иди на ту сторону дороги, а когда будешь против змеи, брось камешек в пыль на дорогу, поближе к камню. Только смотри, не в змею кидай, а в пыль.

Едва лишь камешек, брошенный Ваней, мягко стукнув, зарылся в пыль, как нежившаяся на камне гадина встревоженно подняла голову. Чуть покачиваясь на гибком тулови-

ще, змеиная головка внимательно исследовала, что ее потревожило. В ту же секунду грохнул пистолетный выстрел. Змея, судорожно извиваясь, свалилась с камня. Ваня, взглянув на Александра Даниловича, спокойно укладывавшего пистолет в кобуру, скрытую под гимнастеркой, кинулся к змее. Она все еще извивалась, но Ваня рассмотрел, что бьется одно безголовое туловище. Юноша замер в изумлении: «Вот это выстрел! С тридцати метров – и ведь бил чуть не навскидку!»

Когда Ваня, вернулся к машине, Александр Данилович спросил: – Ну как?

– Головки как не бывало, Под самый корешок срезало.

– Есть еще порок в пороховницах, не гнутся еще казаки! – удовлетворенно ответил Александр Данилович.

Абдукадыр Мерген долго пробирался по полям хлопка к машине. Прошло не менее получаса, пока вдалеке среди кустов показалась его высокая сухоощавая фигура. Несмотря на жару, старый охотник был одет в теплый халат и подпоясан широким, в ладонь, сыромятным ремнем. Полы халата спереди были подоткнуты под ремень, чтобы не мешали шагать среди высоких кустов хлопчатника. Широко распахнутый выше пояса халат открывал солнцу и ветру широкую сухую грудь, загоревшую до цвета старой бронзы. На голове Абдукадыра, вопреки обычаям старины, была не чалма и даже не тюбетейка, а старая, знакомая с дождем и солнцем фуражка военного образца. Лицо его, опять-таки вопреки

обычаю, было гладко выбрито; старик не носил ни бороды, ни усов. Радостно улыбаясь, он торопливым широким шагом подходил к машине. Глаза старого охотника весело поблескивали из-под густых мохнатых с проседью бровей. Впрочем, для своих лет Абдукадыр был по-юношески гибок, двигался легко и сейчас, пройдя чуть не бегом несколько километров, дышал легко и спокойно.

Александр Данилович сделал несколько шагов навстречу Абдукадыру Мергену. Они вначале пожали друг другу руки, а затем, посмотрев один другому в глаза, крепко обнялись.

Ваня, чтобы не мешать беседе старых друзей, поднял капот машины и с подчеркнуто озабоченным видом начал копаться в моторе.

– А я ведь тебя вчера ждал, дорогой Искандер, Как телеграмму получил, так и встречать пошел, – радостно говорил старый охотник. – Думаю, как приедет Искандер, сразу на козлов пойдем.

– А есть козлы-то? – сразу загорелся Александр Данилович.

– Два табуна знаю. Сам не стрелял, никого стрелять не пускал, тебя, Искандер, ждал.

– Спасибо, дорогой, спасибо. Завтра обязательно пойдем. Далеко до них?

– От Крутого перевала совсем близко. Километров пятьдесят, однако, будет.

– Замечательно! – похлопал друга по пояснице Александр

Данилович. – Значит, ползаем по горам вволю. Вспомним молодость.

– Ты надолго? Может, скоро опять уедешь? – недоверчиво посмотрел на друга Мерген.

– Нет, не уеду. Надолго приехал. На весь отпуск, на полтора месяца. От курорта отказался – и сюда.

– Молодец, Искандер! Правильно сделал, – одобрил Абдукадыр Мерген. – Что курорт? Ездил я, знаю. Только устанешь. Шум, крик, беспокойство, а охотиться не дают.

– Да, брат, на курорте не поохотишься, – лукаво усмехнулся Александр Данилович, – дичь не та, не по нас.

Мерген вопросительно взглянул на друга, но тот, по-прежнему лукаво улыбаясь, только подмигнул, а от объяснений уклонился.

Александра Даниловича Лобова, старого коммуниста и крупного партийного работника, связывала с семидесятилетним охотником Абдукадыром почти сорокалетняя дружба. Еще в далеком тысяча девятьсот девятнадцатом году, когда лихой комэск Сашка Лобов гонялся за басмачами по горам и долинам Туркестана, бок о бок с ним скакал на поджаром ахалтекинце верный проводник и надежный товарищ Абдукадыр Рашидов. Было до этого у Абдукадыра две любви: любовь к свободной, привольной жизни и любовь к черноглазой, длинноносой Зульфийи, дочке пастуха, жившего по соседству. Но на пути к привольной жизни встали байы, купцы и белогвардейцы, а длиннокосую Зульфию увезла нале-

тевшая на кишлак банда басмачей. Любимая девушка навсегда исчезла из жизни Абдукадыра. Вот тогда-то, чтобы отомстить за позор и смерть любимой, и пошел Абдукадыр проводником в эскадрон Сашки Лобова. Постепенно чувство личной мести вытеснилось более сильным чувством ненависти ко всему тому, что могло вернуть обратно старую жизнь. В огне гражданской войны Абдукадыр Рашидов приобрел то, что ценил дороже всего на свете – он стал коммунистом и другом русского коммуниста Александра Лобова, Искандера.

Свою любовь к независимой жизни Абдукадыр сохранил навсегда. Не создав своей семьи, он не стал создавать и хозяйства. Охота с избытком давала ему средства к жизни, тем более что он был неприхотлив и умел довольствоваться самым скромным достатком. В колхоз Абдукадыр вступил одним из самых первых, но оговорил себе право вносить свою долю труда продуктами охоты. Постепенно его слава лучшего охотника и следопыта разнеслась далеко за пределы родного района. Даже руководители колхоза, в котором состоял Абдукадыр, забыли подлинную фамилию старика. Для всех он давно уже стал Абдукадыром Мергеном – Абдукадыром Охотником.

– Куда тебя отвезти? – спросил Лобов, усадив старика на почетное место рядом с шофером. Сам он, сдвинув лежавшие в машине чемодан, рюкзак, чехлы с ружьями и коробки с патронами, примостился на заднем сидении.

– Я у поворота слезу, – ответил Мерген. – За собаками пойду. Завтра приведу. Ты ведь в «Счастливом» будешь?

– Да. Как всегда.

– У Семена?

– Конечно.

– Завтра утром жди меня, Искандер. Рано приду. К обеду на перевале будем.

– Давай, давай, – с удовольствием согласился Лобов, – я буду готов. – После краткой паузы он интригуяюще спросил: – А знаешь, что я тебе в подарок привез?

– Как я мог узнать? Я ведь с тобой не ехал, – безразличным тоном ответил Мерген. Но Лобов понял, что старик очень заинтересован подарком, и весело расхохотался.

– Не умеешь ты притворяться, дружище. Ну, ладно, не ломай головы. Привез то самое, чего тебе всегда не хватает: гильзы металлические, пистоны «жевел», заряды на все случаи жизни от бекасинника до картечи и жакана включительно.

– Очень хорошо, Искандер, что ты не забыл, в чем нуждается твой старый друг, – тепло сказал Мерген. – Теперь, наверно, месяца три я не буду ругаться со своим председателем колхоза. Все время забывает покупать мне порох и свинец.

Александр Данилович лукаво взглянул на старика.

– Одним словом, моему почтенному другу не терпится узнать, сколько патронов привез ему Искандер. Успокойся, дорогой Абдукадыр, у тебя будет повод поругаться со своим

председателем не раньше чем через год. Я привез тебе полторы тысячи патронов.

– Полторы тысячи!.. – изумленно воскликнул старый охотник, но, сразу же овладев собою, рассудительно сказал: – Ты ошибся, Искандер. Я, наверное, три года не буду ругаться со своим председателем. Я ведь никогда не стреляю мимо, как городские охотники, а кекликов я бью не менее трех одним выстрелом.

– Но я ведь тоже городской охотник, – пошутил Лобов. – Разве я плохо стреляю?

– Нет, – покачал головой Абдукадыр Мерген, – ты не городской охотник. Ты настоящий охотник, только живешь в городе.

Доехали до нужного развилка дорог, и старик хотел вылезть из машины. Но Лобов рассудил, что Абдукадыру пришлось бы просить в колхозе подводу, чтобы перевезти к себе домой подаренные боеприпасы. Поэтому, несмотря на протесты старого охотника, машина повернула в колхоз имени Кирова, где уже много лет жил Абдукадыр Мерген.

Прощаясь с другом, Лобов спросил:

– Может быть, утром машину за тобой прислать? Ваня может задержаться здесь сколько угодно.

– Ты что, Искандер, – удивился старик, – с моими собаками в такой машине? Нет, уж я лучше пешком: тут прямо через привалки «Счастливое» совсем близко.

– Значит, на зорьке выходим?

– Солнце утром только сядет чай пить, еще на работу не выйдет, а я тебя уже будить стану, – шутливо пообещал старик.

– Не поспеешь. Я тебя у калитки встречу, – задорно ответил Лобов, садясь рядом с шофером. Машина помчалась в «Счастливое».

Расположение поселка, в котором с первых дней коллективизации существовал колхоз «Счастливое», было исключительно удачным. Он раскинулся в небольшой долине у самого подножья гор. Справа и слева, почти вплотную к приусадебным участкам колхозников, подступали отлогие зеленые привалки. Колхоз со всеми своими домами, фермами, складами и хранилищами утопал в зелени садов. Далеко за пределами области славилось сухое вино, изготовленное из винограда, выращенного колхозниками «Счастливого». С середины мая, то есть с того времени, когда созревает клубника, и до глубокой осени в колхозных садах всегда что-нибудь поспевало, требовало, чтобы его поскорее собирали на радость и потребу людям.

Упираясь одним своим концом в подножье гор, другим «Счастливое» выходило на равнину. И так уже повелось, что будучи одним из крупнейших хлопкосеющих колхозов района, «Счастливое» имело свои стада и табуны; благо, до прекрасных альпийских пастбищ было, как говорится, рукой подать.

«Счастливое» считалось несколько необычным для этих

мест колхозом. Конечно, большинство колхозников были узбеки. Большинство, но не все. Кроме узбеков, в колхозе работали русские, украинцы, белорусы, татары, молдаване, грузины, армяне и даже несколько семей венгров, бог весть какими судьбами попавших в этот край. Всего в колхозе насчитывалось семнадцать национальностей, и колхозники любили пошутить, что колхоз правильнее было бы назвать «Интернационалом» или, еще точнее, «Счастливым интернационалом».

Еще задолго до захода солнца Ванюша, лихо прокатив Александра Даниловича по улицам «Счастливого», с шиком подвернул машину к дому бригадира Котова. Но тут получилась осечка. Навстречу гостям никто не вышел. Ворота не были заперты, но ни в доме, ни во дворе не было ни души.

– Смотри ты, как люди живут! – удивился Ваня. – Приходи кто угодно, забирай что хочешь.

– Ну, кто угодно не зайдет. Тут ведь кругом свои живут. Даже старики друг друга с детства знают. Пришлых людей не бывает. Да и с ворами здесь серьезно разговаривают. В милицию не водят. Свой не украдет, а чужой не сунется, – объяснил своему шоферу Лобов.

– Что будем делать, Александр Данилович?

– Да ничего. Вещи вынесем. Ты поезжай, а я тут подожду хозяев. Ночевать все равно домой придут.

– Как же я уеду, а вы так вот и останетесь? – запротестовал Ваня.

– Так вот и останусь, – передразнил шофера Лобов. – Поезжай, поезжай, Ванюша. К полуночи дома будешь. Отдыхай, пока я отдыхаю. Вернусь – снова тебе гонка будет. Недельки через полторы заглянешь проведать. Договорились?

Больше часу ожидал Александр Данилович бригадира колхозных животноводов, Героя Социалистического труда Семена Андриановича Котова. Одиночество располагает к задумчивости, к воспоминаниям. Сидя на толстом карагачевом чурбаке во дворе дома Котова, Лобов припомнил те далекие дни, когда нынешний Семен Андрианович, грузный и полысевший, был просто Семкой Котовым, командиром конного взвода, весельчаком и задирой, лихим плясуном и бабником. Впрочем, Семен Котов и в те дни отличался не только этими качествами. Командир эскадрона Александр Лобов знал его отчаянным рубакой и дерзким разведчиком, не боявшимся никого на свете, кроме своего комэска. Не один десяток раскормленных ферганских, алайских и памирских баев, задумавших померяться силами с только что народившейся Советской властью, плюхнулся с седел от беспощадного и точного удара клинка Семки Котова. Мало кто из басмачей выживал, если Семка Котов «чуток тронул» его своим клинком златоустовской выковки.

Давно все это было. Долгие годы прошли, но по-прежнему осталась нерушимо крепкой дружба Александра Лобова, Семена Котова и Абдукадыра Мергена, дружба людей, еще в дни своей юности поднявших оружие за молодую советскую

власть. Семен Котов до сих пор остался любителем горячих коней и лихим кавалеристом, хотя уже и без былой легкости вскакивал в седло. Это по его настоянию правление «Счастливого» занялось разведением коней в количестве, далеко превышающем хозяйственные потребности колхоза. Впрочем, колхозники были не в обиде. Кони «котовской породы» находили широкий сбыт по всей области и значительно повышали доходы колхоза.

Если Абдукадыр Мерген и Семен Андрианович после гражданской войны жили все время в одном районе, то Александра Лобова партия много раз бросала с места на место. Он всегда шел туда, где был нужен смелый, решительный, требовательный и чуткий к людям большевик. Но вот уже несколько лет Александр Данилович снова работает в республике, где прошла его юность.

В последние годы Лобов привык проводить отпуск в «Счастливом», у своих старых друзей. Страстный охотник и рыболов, Александр Данилович предпочитал свежий воздух гор, родниковую воду и жаркое узбекистанское солнце назойливому вниманию курортных врачей.

Солнце уже зашло, и двор наполнился синеватыми сумерками, когда около калитки послышались голоса. Высокий женский голос, в котором слышались близкие слезы, произнес:

– Я больше не могу! Лучше сразу кончить!

В калитку вошла высокая, дородная, пожилая, но все

еще красивая женщина – хозяйка дома Екатерина Васильевна. Увидев сидящего на карагачевом обручке Лобова, она, всплеснув руками и, как всегда в минуты взволнованности, вставляя в свою речь украинские слова, заговорила:

– Ой, лишенько! Саша! Александр Данилович! Та ты, мабудь, тут не один час сидишь? Смотри, Женька, что мы наробили?!

Женя – молодая, похожая на мать, настоящая красавица-украинка – покраснела и, взглянув на Лобова заплаканными глазами, сдержанно поздоровалась с ним.

– Что с тобой, Женюрка? – ласково спросил Лобов, задерживая руку Жени в своей ладони.

– Так, ничего, Александр Данилович, смутилась Женя, – семейные дела.

– Э-э-э, нет! От меня ничегоком не отделаешься. – Лобов дружески усадил Женю рядом с собою. – Давай, рассказывай, что у тебя стряслось. Да брось ты, Катя, возиться с моими причиндалами. Сам все перетаскаю.

Но Екатерина Васильевна, не слушая Лобова, привычным движением вскинула на плечо чехлы с ружьями, взяла в одну руку чемодан, в другую рюкзак и направилась в дом. У самой двери она задержалась и крикнула:

– Ты бы, Александр Данилович, прочистил мозги Митьке. Чего он над Женькой изгаляется? Он тебя боится. Только ты для него и авторитетный.

– Неужели у вас с Дмитрием скандалы начались? – участ-

ливо спросил Лобов Женю. Молодая женщина горько заплакала.

– Да нет, Александр Данилович, – сквозь слезы заговорила она, – пока еще он меня не обижал. Не бил, то есть.

– Ну еще бы бить. Кто ему позволит, щенку этакому! И Женя заплакала еще горше.

– Так из-за чего же у вас сыр-бор загорелся? – снова приступил к ней Лобов.

– Он с работы всегда пьяный стал приходить, – давясь слезами, заговорила Женя. – На работу как человек, а с работы чуть не на четвереньках... А потом я узнала, что он... – Больше Женя ничего не могла выговорить и, закусив край зажатого в руке платочка, умолкла. Только крупные, как горошины, слезы покатались по ее щекам.

Екатерина Васильевна, отнесшая в дом вещи Лобова, стояла в двух шагах от него, с состраданием глядя на плачущую дочь.

– Ну чего ж ты замолкла, моя доню? – жалостливо, нараспев заговорила она, видя, что Женя не вымолвит больше ни слова. – Расскажи Александру Даниловичу, каким стал его фронтовой друг-товарищ, его военный шофер, расскажи, по какой дорожке он пошел.

– Ах, мама! – только и смогла выговорить Женя.

– Чего «ах, мама!» – распаляясь, заговорила Екатерина Васильевна. – Думаешь, я от Александра Даниловича скрывать буду, что твой Митька от красавицы-жинки по чужим

бабам бегать начал? Да еще и куражится. Как же, герой войны, полна грудь медалей, самого Лобова на фронте возил!..

Постепенно Александру Даниловичу удалось выяснить, что муж Жени, Дмитрий Бубенец, во время войны лично Лобовым рекомендованный в партию, в последние месяцы начал терять доброе имя гвардейца-фронтовика.

После демобилизации из армии Александр Данилович надолго потерял Бубенца из виду. Но вот года полтора назад, когда Лобов уже работал в республиканском партийном аппарате, в его кабинете раздался телефонный звонок. Дмитрий Бубенец просил разрешения повидаться с Лобовым. Теплое чувство к своим бывшим однополчанам никогда не затухало в груди Александра Даниловича. Рабочий день как раз кончился, и Лобов забрал Бубенца к себе на квартиру. Вечер прошел в воспоминаниях. То и дело слышалось: «А помните, товарищ гвардии полковник, как мы у Буга...», «А помнишь, Митя, под Корсунью...»

К полуночи воспоминания иссякли. Александр Данилович выяснил, что Бубенец и после войны еще долгое время оставался на сверхсрочной: побывал в оккупационных войсках – вначале в Германии, а затем в Австрии. После вывода наших войск из Австрии Дмитрий демобилизовался.

Узнав, что сейчас Бубенец нигде не работает, Лобов хотел взять его на свою машину. Но тот, поблагодарив, отказался. Оказывается, у Дмитрия появилась большая склонность к сельской жизни.

– Укажите мне, товарищ гвардии полковник, такое местечко, где работать особенно интересно, чтобы главное охота была и рыбалка подходящая, – попросил Бубенец и не совсем последовательно закончил: – Мне уже пора своим домом обзаводиться. Не молодой уже. Тридцать один стукнуло.

Подумав, Лобов направил Бубенца в «Счастливое», даже записку написал своему другу Семену Котову. Позднее до Лобова доходили известия, что Бубенец справно работает и считается лучшим шофером в «Счастливом», что было не так уж легко: автомобильный парк колхоза состоял чуть ли не из тридцати машин, а работать в «Счастливом» считали за превеликую честь самые лучшие шоферы в округе.

С полгода тому назад Александр Данилович получил приглашение на свадьбу Жени и Дмитрия. Поехать он не смог и ограничился посылкой поздравительной телеграммы и подарка.

Из рассказа Екатерины Васильевны и Жени Александр Данилович узнал, что Дмитрий, и до этого любивший выпить, теперь особенно пристрастился к водке. Правда, дорожа славой лучшего шофера, за рулем машины он всегда был трезв. Зато все свое свободное время он теперь уже не проводил дома или в колхозном клубе, или на озерах с ружьем и удочкой. Он сблизился с компанией разгульных лоботрясов, любителей выпивки, особенно за чужой счет. Зарабатывал Дмитрий немало и мог угощать подхалимствовавших перед ним собутыльников. Случалось, что, выпив лишнего, он

не приходил ночевать домой. А наутро Женя узнавала, что ее Митя провел эту ночь у какой-нибудь веселой вдовы или разводки. Возвращаясь после такой ночи домой, Дмитрий, виновато пряча глаза, объяснял Жене, что вчера «перебрал лишнего» и не помнит, где «кувыркнулся с катушек».

Женя долгое время терпела, стыдясь рассказывать даже матери о своем горе, но сегодня произошел взрыв. Сегодня у Бубенца выходной. Еще вчера с вечера Женя договорилась с ним, что утром они поедут в город. Но вчера вечером Дмитрий не пришел ночевать. Узнав, где гуляет буйная компания, Женя пришла к матери и все ей рассказала. Екатерина Васильевна вскипела. Вместе с Женей она пошла выручать Дмитрия. Увидев жену и тещу, Бубенец вначале смутился, но затем начал, по выражению Екатерины Васильевны, «куражиться, как тот кочет». Оскорбленная Женя не выдержала и сказала, что она уходит к матери и никогда больше не вернется в дом мужа.

– А что же Семен смотрел? – спросил Александр Данилович, выслушав сбивчивый рассказ матери и дочери.

– Папы нет, – всхлипнула Женя, – он в горах с табунами.

– Как ушел по весне, так только два раза домой и заглядывал. Побаниться приезжал, – подтвердила Екатерина Васильевна. – Митька при нем прямо шелковый. Да и я до сих пор ничего не знала.

– А Бубенец-то не разлюбил тебя, Женюлька? – осторожно спросил Лобов. Молодая женщина, начавшая было успокаивать

ваться, снова залилась слезами.

– Нет, что вы, Александр Данилович, – стараясь сдержать рыдания, запротестовала она, – любит он меня по-прежнему. Только слаб на вино он очень и самолюбивый. А когда трезвый, лучше и быть не может.

– Ладно, – пообещал Лобов, – завтра я поговорю с этим Дмитрием Самозванцем. Я уж сниму с него стружку, долго помнить будет, – и, обняв все еще плачущую Женю за плечи, сказал с теплой отцовской лаской:

– А ты, Женюрка, не плачь. Мы тебя в обиду не дадим. И Митьке твоему скатываться не позволим. Смертным боем бить будем, а человека из него сделаем. Парень он в общем неплохой, только кто-то его не на ту дорогу тянет. Ну, ладно, вставай, пошли в дом, ночь уже. Эх, и звезды здесь у вас! Яркие да большие, каждая по блюдечку.

Как и в прошлые приезды, Лобову была подготовлена для жилья просторная и светлая горница, выходившая окнами в густо разросшийся сад. Горница имела два выхода: один – на половину хозяев, другой – через маленькие сенцы прямо во двор.

Вскоре в доме воцарилась тишина. Набираясь сил для завтрашней охоты, спал глубоким сном Александр Данилович. Спал крепко, без сновидений. Сон его был настолько крепок, что он не слышал, как снаружи в дверь, ведущую на хозяйскую половину, постучали. Не слышал, как Екатерина Васильевна впустила в дом своего зятя Дмитрия Бубенца. Впу-

стила и пожалела. Бубенец был пьянее вина и в дополнение всего явился не один, а с двумя своими постоянными собутыльниками. Они, собственно говоря, и спровоцировали его на переломе ночи идти в дом тестя и требовать возвращения жены. Проспал Александр Данилович и начало скандала. Проснулся он только тогда, когда сквозь сон почувствовал, что его трясут за плечо и испуганный голос Жени шепчет в ухо:

– Александр Данилович! Помогите! Маму убивают!

Сон сразу как ветром сдуло. Александр Данилович вскочил и наощупь в темноте натянул положенный около изголовья халат. Рука сама нырнула под подушку, и привычный еще со времен войны «вальтер» скользнул в карман халата. Лобов торопливо вышел на хозяйскую половину.

В большой комнате, служившей супругам Котовым одновременно спальней и залом, все было перевернуто вверх дном. Сорванные с широкой двухспальной кровати одеяло, простыни и подушки раскиданы по всей комнате. Большой круглый стол отброшен с середины в дальний угол. Салфетка лежала на полу, лишь одним углом удерживаясь на крышке стола. Чувствовалось, что Дмитрий Бубенец только что проявил в полную силу свой характер.

Когда Лобов вошел в разгромленную комнату, Женя, осунувшаяся и жалкая, сидела на сундуке около стены. Впопыхах она не успела одеться. На ней была помятая юбчонка и большой пуховый платок матери, накинутый на плечи.

Екатерина Васильевна, тоже полуодетая, стояла посреди не комнаты. Против Екатерины Васильевны, ничуть не шатаясь, уставившись на нее злым и в то же время пустым взглядом, стоял Дмитрий Бубенец, худощавый, жилистый блондин в новеньком офицерском кителе, хотя он никогда не был офицером. В открытые двери заглядывали две ухмыляющиеся рожи собутыльников Дмитрия. Впрочем, едва лишь Лобов вошел в комнату, как рожи моментально исчезли.

– Уходи, Дмитрий, – гневно говорила Екатерина Васильевна. – Приходи, когда проспиться. Тогда и говорить будем.

– Значит, не отпустишь жену? – с пьяной злобой спросил Бубенец. – Мало я тебе прописал? Еще хочешь?

– Не пущу, – отрезала Екатерина Васильевна. – Пока Семен Андриаиович не вернется, не пущу.

– Ах, ты... – закричал Дмитрий, сжимая тугой когтистый кулак.

– Ты что это развоевался, герой? – спросил Бубенца Александр Данилович. – Очумел от водки, что ли?

Услышав голос Лобова, Бубенец вздрогнул и торопливо начал застегивать китель. Лобов встал рядом с Екатериной Васильевной и презрительно оглядел Бубенца.

– Хорош! – процедил он сквозь зубы. – Для штрафного батальона самый подходящий экземпляр.

– А зачем она жену от меня сманивает? Чем я ей не по нраву пришелся? – с пьяным надрывом заныл Бубенец. – По-

чему от меня жена ушла?

– Да от тебя сейчас не только жена, полуторка сбежит, – усмехнулся Лобов. – Уходи отсюда. Утром поговорим.

– Без жены я не уйду, – мотнул головою Бубенец и со все нарастающей яростью завопил: – Мы с Женькой расписались! Я согласия на развод не давал! Она не имеет права уходить от меня! Я вам всем покажу, как на фронтовиков поклеп возводить!

Алкоголь окончательно заглушил в Бубенце появившиеся было проблески сознания. Он уже позабыл, что стоит перед Лобовым, перед тем самым Лобовым, знакомство с которым считал великой честью для себя и о котором в кругу друзей всегда с гордостью говорил: «Это что... Я на фронте самого Лобова возил. Вот это человек! За такого в огонь и в воду».

– Раз жена, значит, всегда должна быть с мужем!.. Где муж, там и жена!.. – вопил он. – А эта старая сука... – и неожиданно коротким, но сильным толчком Бубенец ударил Екатерину Васильевну в грудь. Негромко охнув, та, как подкошенная, свалилась на пол. Женя вскрикнула и бросилась к матери. А Бубенец выхватил из кармана тяжелый разводной ключ и взмахнул им над головой жены, но, не успев опустить его, сам отлетел в сторону и, ударившись головой о стену, растянулся на полу.

Александр Данилович, потряхивая рукой, ушибленной о скулу Бубенца, подошел к ошеломленному ударом пьянице. Тот, глядя на Лобова неожиданно протрезвевшим взглядом,

попытался встать на ноги. Но Александр Данилович, схватив Бубенца за шиворот и пояс, поднял его, как узел грязного белья, и выкинул за двери во двор.

– Запомни, негодяй, – сказал он валяющемуся на земле Бубенцу, – среди моих фронтовых друзей Дмитрия Бубенца больше нет. А завтра поговорим на партбюро колхоза, может ли Бубенец оставаться в партии. Понял?

За калиткой послышался ехидный смешок. Оказалось, собутыльники Дмитрия, притаившись за калиткой, ждали, чем кончится дело. Лобов повернулся в калитке и пригрозил:

– А вы, мародеры, забирайте вашего дружка и ждите утра. Посмотрим, что завтра решат о вас колхозники.

За калиткой сразу воцарилась мертвая тишина. Лобов вошел в сени и запер за собой дверь.

Прибирая в комнате, Екатерина Васильевна и Женя с тревогой прислушивались к шагам, доносившимся из комнаты Лобова.

– Разнервничался! Теперь до утра не уснет, – сокрушалась Екатерина Васильевна. – Сукин сын Митька, какого человека из себя вывел! Ведь ногтя его не стоит.

От калитки донесся голос Дмитрия. Уходя не солоно хлебавши, он с пьяным ухарством кричал, явно рассчитывая, что его услышат находящиеся в доме:

– Мы и не таких видали! Здесь, брат, не фронт! Ты мне не полковник, я тебе не солдат! А за обиду посчитаемся! Запомнишь, полковник, Митьку Бубенца!

Екатерина Васильевна ожесточенно плюнула:

– Ну и дурак, как есть дурак! Какому человеку грозить задумал! Пьяный обормот, сам во всем виноват, а еще грозитя!

Прибрав в комнате и уложив перепуганную, плачущую Женю с собою в постель, она еще долго прислушивалась к громким в ночной тишине шагам Лобова. «Все еще не улегся. Рассердился очень. Ну и натворил Митька делов», – сокрушенно думала она, и с этой мыслью незаметно уснула.

Александр Данилович чувствовал, что в эту ночь он заснет нескоро. Происшествие с Бубенцом взволновало его. Он ходил взад и вперед по комнате и думал, как могло получиться, что честный, неглупый парень, больше года деливший с ним тяготы фронтовой жизни, вдруг так опустил-ся. Пришли на память фронтовые эпизоды, когда честность, бесстрашие и преданность Бубенца проверялись смертельной опасностью. Из всех этих проверок Бубенец выходил с честью. Многие припомнилось гвардии полковнику в отставке, коммунисту Лобову в эти долгие ночные часы. «Нет, не может быть, чтобы Бубенец стал конченным человеком, – подытожил свои размышления Александр Данилович. – Надо будет завтра с ним поговорить круто, но по-человечески. А вот дружков его придется шугануть, как положено. Плесень, а не люди».

Александр Данилович взглянул на часы. До рассвета оставалось совсем немного. «Мерген, наверное, уже поднялся,

собирается», – усмехнулся он и подошел к кровати, стоявшей у раскрытого окна. За окном тихо шуршали от ночного ветерка листья фруктового сада. Вынув из кармана халата пистолет, он повернул его, чтобы проверить, на предохранителе ли оружие. Пистолет оказался на боевом взводе. «Как же это я забыл поставить его на предохранитель? – удивился Лобов. – Стареть, что ли, начинаю? Говорят, под старость люди становятся забывчивыми». Он хотел передвинуть скобу предохранителя, но в этот момент что-то сверкнуло у него перед глазами. В мозгу на секунду вспыхнули и погасли яркие до боли искры, а затем все исчезло.

Выстрел переполошил уже заснувших женщин. Первой в комнату Лобова вбежала Екатерина Васильевна и остановилась на пороге. Александр Данилович лежал на полу, около кровати, широко раскинув руки. Справа от него валялся небольшой пистолет. Женя, обойдя мать, подбежала к Лобову и, встав на колени, положила руку ему на грудь, стараясь уловить биение сердца. Широко раскрытыми от ужаса глазами она смотрела на мать и, еле двигая побелевшими губами, шептала:

– Мамочка! Что же это такое?! Из-за чего же это он себя... За доктором надо скорее, мамочка!

Но Екатерина Васильевна, строго взглянув на дочь, суровым голосом ответила:

– Не поможет тут доктор. Одевайся, дочка, да беги в сельсовет. Звони в район. Нехорошее дело случилось в «Счаст-

ливом». Ох, страшное дело случилось в нашем доме.

Глава 2. Ищи убийцу

В кабинете, несмотря на раскрытые настежь окна, висел синеватый папиросный дымок. Человек, работавший за массивным письменным столом, непрерывно курил, зажигая новую папироску от только что выкуренной. Изредка он отрывался от бумаг, смотрел на лежащие на столе снятые с руки часы и недовольно морщился. Между тем за окнами наступающий рассвет постепенно побеждал темноту ночи. Но вот человек оторвался от бумаг, устало выпрямился и потянулся. Встав из-за стола, он подошел к окну, облокотился о подоконник и с удовольствием вдохнул свежий утренний воздух. Одетый в зеленую шелкового трикотажа рубашку-финку и серые брюки, этот невысокий худощавый человек казался совсем молодым. Только при внимательном взгляде на его сухое, резко очерченное лицо можно было заметить, что он уже немолод. Обманчивое впечатление молодости в нем производила юношески стройная фигура спортсмена и белокурые, хотя и порядком поредевшие, волосы. Звонок телефона вернул человека к столу.

– Да, полковник Голубкин, – негромко ответил он в трубку. – Почему так долго не звонили? Опять?

Некоторое время он слушал взволнованные объяснения, а затем приказал:

– Сейчас же приезжайте ко мне. Нет, я еще немного за-

держусь.

Повесив трубку, Голубкин больше не возвратился к окну. Опустившись в свое кресло, он задумался. Снова неудача. Банда «Три вальта», действующая на мотоциклах, опять сумела ускользнуть. Впрочем, подробности этого дела через несколько минут доложит майор Кретов. Засада около Ювелирторга тоже пока что не дала никаких результатов. Бандиты или почуяли слежку, или еще не собрались с силами для налета.

В последние недели на город накатилась волна особенно дерзких преступлений. Конечно, такой большой город, город с миллионным населением, к тому же расположенный на юге, всегда является заманчивым объектом для разных авантюристов и любителей легкой наживы. Но сейчас чувствовалось нечто другое. Хотя большая часть преступлений раскрыта, преступники пойманы, сознались и получили по заслугам, полковник Голубкин недовольно хмурился. С каждым раскрытым преступлением у него все больше росла уверенность, что в руки уголовного розыска попадает только мелочь – непосредственные исполнители, а за их спиной остается неразоблаченным инициатор преступлений. И он-то, по мнению полковника, является хозяином попадавшей в руки уголовного розыска мелочи, очень умным и очень опасным врагом.

Взятые с поличным преступники слишком уж горячо отрицали, что ими кто-то руководит, указывает жертвы, снаб-

жает оружием и за все это забирает львиную долю награбленного. А в том, что исполнители преступлений с кем-то делятся, Голубкин не сомневался. В этом его полностью убедил ряд происшествий последнего времени, в том числе и ограбление кассы металлургического завода. Грабителей было двое, взяли они сто шестьдесят тысяч и были арестованы через неделю. У каждого из них оказалось по тридцати с лишним тысяч. На допросах преступники утверждали, что остальные деньги они «прокутили, проиграли и на девочек истратили». С этой версией они и ушли в лагеря, каждый на двадцать лет. Но теперь Голубкину удалось установить, что бандиты истратили только восемь тысяч. Где же остальные восемьдесят?

Характерно и то, что кражи продуктов, товаров, одежды и различных домашних вещей за последнее время не возросли. Зато резко увеличились кражи денег и золота, то есть того, что при огромной ценности занимает малый объем и труднее всего разыскивается.

Полковник пересмотрел агентурные материалы, лежавшие на его столе: данные о банде мотоциклистов, сведения о готовящемся налете на магазин Ювелирторга, материал об убийстве Юлии Гавриковой, безработной девушки, не имевшей определенной профессии. «Нашли безработную!» – недобро усмехнулся Голубкин. Бандитов спугнули, и они не успели воспользоваться тем, из-за чего совершили убийство. В постели убитой сотрудники уголовного розыска

обнаружили денег и золотых вещей на шестьдесят семь тысяч рублей. Далее следуют донесения о драке в саду при клубе на окраине города, в результате которой на цементе танцплощадки осталось пять окровавленных трупов. Ну, тут дело ясное: шайка заезжих гастролеров-грабителей не поделила добычи. «Свои» расправились со «своими». А это что такое? Данные о систематическом обмеривании и обсчете покупателей Арским Наумом Абрамовичем, заведующим павильоном газированных вод. Как это сюда попало? Не по назначению. Передать в соответствующий отдел.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул полковник, отложив материал об Арском в сторону.

В кабинет вошел высокий, широкоплечий юноша. С первого же взгляда он чем-то неуловимо напоминал полковника Голубкина, хотя был на две головы выше и вдвое моложе его. Круглое, чисто русское лицо и атлетическое сложение делили Кретова прямой противоположностью Голубкина. И все же он походил на своего начальника. Сходство возникало из желания молодого чекиста во всем подражать полковнику и начиналось с подражания в одежде и движениях.

Майор Кретов был явно расстроен постигшей его неудачей, но изо всех сил старался не показывать этого, делая вид, что он совершенно спокоен и невозмутим.

Потеряв родителей о первые дни Отечественной войны, тринадцатилетний Алеша Кретов попал в детский дом и вме-

сте с ним эвакуировался с Украины в Среднюю Азию. Узбекистан стал для него второй родиной. После десятилетки Алеша окончил специальную школу и сейчас уже седьмой год работал в уголовном розыске под руководством полковника Голубкина. Для Алеши Голубкин был образцом настоящего человека. Справедливости ради надо оговориться, что майор Алексей Кретов подражал полковнику не только внешне. Старый работник органов милиции Иван Федорович Голубкин был для Алексея Кретова образцом во всех случаях жизни, и прежде всего в работе.

– Значит, и сегодня неудача? – встретил вопросом полковник Голубкин своего помощника.

– Неудача, товарищ полковник, – сокрушенно признался Кретов. Голос подвел Алексея. В тоне, каким он ответил на вопрос Голубкина, печаль и даже растерянность прозвучали настолько явственно, что полковник невольно улыбнулся.

– Садись, рассказывай.

Кретов сел к столу против полковника.

– Все было так, как мы наметили, – начал он. – Наши-ми засадами, постами милиции и бригадмила весь район, где обычно оперировала шайка «Три вальта», был взят под наблюдение.

– И ничего? – прервал Кретова полковник.

– Сегодня шайка перебазировалась – ограбления в районе кирпичных заводов.

– Сколько? – Два.

– Кто пострадавшие?

– Копылова, студентка медицинского института. Возвращалась с вечеринки. Бандиты забрали золотые часы, золотую брошь с уральскими самоцветами и сумочку, в которой была серебряная пудреница, носовой платок, пропуск в библиотеку и шесть рублей с мелочью. Студентка подняла крик, правда, тогда, когда бандиты уже уезжали на мотоцикле. Их видел постовой милиционер.

– Цвет машины и номер?

– Номер замазан грязью. Цвет не рассмотрел. Видел мотоцикл только сзади. Налетчиков было двое.

– Чем были вооружены?

– Копылова утверждает, что только ножами.

– Ясно. Кто второй?

– Их двое. Сергеева – счетовод промартели и Петров – продавец универсама. Налетчики сняли двое золотых часов с золотыми же браслетами, золотую брошь, золотой медальон и забрали шестьсот пятьдесят рублей денег.

– Чем вооружены?

– Один – ножом, другой – старинной гирькой на ремне. Эх, Иван Федорович, и зачем только такие люди на свет рождаются? – неожиданно закончил Кретов, раздраженно махнув рукой.

– Постой, постой, ты это о ком?

– Да об этом Петрове. Верзила – косая сажень в плечах. Ростом выше меня. Боксер к тому же. А грабителей всего

двое. Сергеева говорит, что совсем пацаны, лет по семнадцать-восемнадцать. А этот Петров как растворил свой рот с перепугу в момент грабежа, так до сих пор закрыть не может. Сидит в отделении совсем чумовой и только изредка зубами лязгает.

– Ишь ты, чего захотел, – усмехнулся Голубкин, – чтобы граждане сами бандитов ловили да к нам в уголовный розыск таскали. А мы с тобой чем заниматься будем? На пенсию пойдем? Рановато как будто.

– Да нет, вы не смейтесь, Иван Федорович. Представьте себе, стоит такой теленочек ростом в два метра, кулаки каждый по два пуда, а у него какой-то сопляк в карманах роется. Да еще и девушку его обыскивает. Как этот балбес человеком себя считать может? А еще боксер, призы имеет.

Голубкин с ласковой усмешкой смотрел на возмущенного чужой трусостью юношу.

– Доля правды в твоих словах, пожалуй, есть, – сказал он, когда Кретов умолк. – Но ловить преступников – это все же наше с тобой дело.

– Да я понимаю... – начал снова Кретов.

– Не сомневаюсь, что понимаешь, Ну, а номер или цвет мотоцикла они не запомнили?

– Где там, – махнул рукой Кретов. – Их бандиты поставили лицом к стене и приказали не оборачиваться. Они ждали, пока аж треск от мотоцикла перестали слышать.

– Да-а-а! – задумчиво протянул Голубкин. – Пока что мы

терпим поражение. Ну, вот что. Операции вести по-прежнему плану. Нужна хоть какая-нибудь зацепка – цвет машины, номер, хотя бы две цифры. Район кирпичных заводов включить в зону наблюдения. Ясно?

– Ясно, товарищ полковник.

– А теперь иди отдыхай. Вон скоро уже солнце взойдет. Я тоже часика на два-три домой съезжу. Закрой окна.

Пока Кретов выполнял просьбу полковника, Голубкин убрал бумаги в сейф, проверил, заперты ли ящики стола. Вдруг необычно резко зазвонил один из телефонов, стоявших на столе майора.

«Правительственный», – по звонку определил Кретов.

По тому, как сразу посуровело лицо полковника, Кретов понял: случилось что-то необычное. Вместо того чтобы уйти, он сел на старое место перед столом Голубкина.

– Ясно, товарищ комиссар! – заканчивал полковник разговор по телефону. – Все ясно. Может быть, мне самому выехать? Да, конечно, нити должны сойтись здесь. Тогда лучше всего послать майора Кретова. Слушаюсь. С Комитетом госбезопасности буду держать связь. Ясно. Будет исполнено, товарищ комиссар.

Голубкин положил трубку, сел и несколько секунд сидел молча, хмурый, словно забыв о присутствии Кретова.

– Что случилось, Иван Федорович? – встревоженно спросил Кретов.

– Сегодня перед рассветом, – негромко заговорил Голуб-

кин, — в колхозе «Счастливое» выстрелом из пистолета убит крупный работник, депутат Александр Данилович Лобов.

— Убит! — вскричал пораженный Алексей. — Кем?! За что?

— За что? — переспросил Голубкин. — За то, что был большевиком. Кем? Недобитой нами гадиной. И вот эту гадину мы должны поймать и добить без пощады.

Наступила длинная пауза. В тишине Кретов ясно слышал, как тикают часы на руке полковника. Но вот Голубкин провел ладонью по лбу, как бы стирая мешающую думать печаль, и заговорил уже ровным обычным тоном: — Тебе нужно выехать туда, Алеша. Возьми с собой эксперта и проводника с собакой. Разработку по банде «Три вальта» передай старшему лейтенанту Кариеву. Остальное подождет. Обстоятельства гибели Лобова таковы, что местные работники подозревают два варианта: убийство и самоубийство. Все может быть, но... Если даже и убийство, то внешне оно выглядит как простое уголовное преступление. Никаких предварительных соображений я сейчас не хочу высказывать. Разбирайся сам, на месте. Доброго пути!

Глава 3. Это сделал чужой человек

Солнечный луч, пробившись сквозь густую листву кустов, упал на лицо Бубенца и разбудил его. Дмитрий сел, потянулся и огляделся вокруг: «Куда это я попал?» Крыша знакомого дома, поднимавшаяся вдалеке за густой стеной вишенника, помогла ему определиться: «А-а! Это я против дома Котовых. Через дорогу от них, в новом скверике. Как же я сюда попал?» В памяти от вчерашнего дня сохранились только, обрывки воспоминаний. Пили вначале на лужайке, около арыка, за старой сушилкой, потом пили у Зинки Маркевич, туда, кажется, приходила Женя с Екатериной Васильевной, а дальше провал... «Неужели я вчера пьяный поперся домой к Жене? Может быть, еще и наскандалил?» При мысли об этом Дмитрию стало не по себе. «И все эта бражка, пьяницы проклятые. Черт меня дернул спутаться с ними. Шпана, а не люди. Каждый раз даю зарок не пить больше пол-литры и никак не могу удержаться. Обязательно напьюсь, как свиньи», – запоздало каялся в душе Бубенец. Но это позднее раскаяние не облегчило его. На душе было тяжело. Потянуло к людям. «Пойду в гараж к ребятам, – решил он, но, взглянув на часы, помрачнел. – Наша смена с девяти, а сейчас семи еще нет. Ладно. Все равно пойду. Надо только отсюда выбраться незаметно, а то люди невесть что подумают».

Дмитрий поднялся, почистился, снял и вытряхнул от пы-

ли китель, причесался. К счастью, он никогда не знал похмеля и сейчас чувствовал себя бодро, как будто всю ночь проспал в мягкой постели, а не на сырой и жесткой траве. О буйно проведенной ночи напоминал только сине-багровый сиянь, заливший левую щеку Дмитрия.

Приведя себя в порядок, Дмитрий выглянул из-за кустов. Улица, в эти часы всегда пустая, сейчас была необычайно оживлена. По ней один за другим торопливо и, как показалось Дмитрию, испуганно, шли колхозники, а у дома Котовых собралась порядочная толпа. Несколько минут Дмитрий стоял, пытаясь разобраться в том, что происходит.

Колхозники, толпившиеся перед домом Котова, показались Дмитрию незнакомыми, непривычно изменившимися. Видимо, поднятые с постелей, они были одеты наспех, некоторые просто в ночных рубашках и босые. Не было слышно ни смеха, ни шуток, ни громких разговоров, над толпой не поднимался веселый дымок папирос и самокруток. На лицах мужчин растерянность и печаль, большинство женщин плакало.

«Что ж там такое произошло? – недоумевал Дмитрий. – Не случилось ли чего с Семеном Андриановичем? Человек уже пожилой, а любит разезжать на горячих лошадях. А на горных тропах долго ли до греха».

Первым побуждением Дмитрия было побежать в дом тещи и узнать, в чем дело, не нужна ли его помощь. Однако вспомнив, как он вчера держался с Женей и Екатериной Ва-

сильевойной, когда они хотели увести его от пьяной компании, Дмитрий скрипнул зубами от горечи, но идти прямо в дом Котовых не решился. «Пойду по-за кустами на тропинку, к гаражу, а там от ребят узнаю, что случилось у Семена Андриановича», – решил он и направился к гаражу. Но далеко уйти не смог. Едва лишь кусты остались позади и Дмитрий очутился на тропинке, по которой редко кто ходил, как его окликнул один из колхозников, почему-то очутившийся тут.

– Ты куда это, Бубенец?

Тон, каким был задан этот вопрос, удивил Дмитрия. Он больше походил на окрик. Дмитрий остановился и недоумевающе посмотрел на колхозника. Тот, вместо того чтобы подойти к Бубенцу, крикнул в сторону:

– Сюда, товарищи! Он здесь!

Позади послышался топот, и на тропинку выбежало трое здоровенных парней. Всех их Дмитрий знал, был с ними в дружеских отношениях, но сегодня они вели себя странно: окружили кольцом и не один не подал руки, не улыбнулся приветливо. Наоборот, все они смотрели настороженно и даже враждебно.

– Вот ты где, – заговорил колхозник, первым окликнувший Бубенца. – А мы уж и дома у тебя побывали. Ну, пошли!

– Куда? – удивился Дмитрий. – Мне в гараж...

– В гараж тебе сегодня незачем. Пошли, там из района приехали, зовут тебя.

– Кому я в районе нужен? – не поверил Дмитрий. – Да ну

вас! некогда мне.

Но парни схватили Бубенца за руки. Дмитрий почувствовал, что с ним не шутят, что и впрямь произошло какое-то несчастье и в этом несчастье он виноват. Тоска сдавила сердце. Даже свет всходявшего солнца показался Дмитрию тусклым, пепельным.

– Что вы, ребята, – испуганно и покорно заговорил он. – Разве я против? Зачем вы меня схватили? Я и так пойду.

Один из парней тщательно ощупал пазуху, пояс и карманы Бубенца. Убедившись, что никакого оружия при нем нет, парни освободили его и приказали:

– Иди! К Семену Андриановичу в дом.

Бубенец шел к хорошо знакомому дому и ломал голову над тем, что же случилось? Неужели вчера пьяный он все-таки был в доме тестя? Как ни пытался Дмитрий, он не мог припомнить, что произошло после того, как жена и теща приходили за ним. Где он был? Что делал? Как очутился среди кустов акации? Дмитрий не мог сам себе объяснить. «Может быть, избил кого-нибудь по пьяной лавочке? – пытался припомнить он. Пьяным-то я иной раз дурной бываю».

Тоска, нахлынувшая на него несколько минут назад, с каждой минутой становилась все злее. «Вот тебе и погулял и теплой компании, – казнил себя он. – Кончать надо эту блажь. А то так себя ославишь, что за всю жизнь от грязи не очистишься».

Колхозники, толпившиеся у ворот дома Котова, расступа-

лись и давали дорогу Дмитрию, но ни в одном лице не видел он участия или приветя. Все смотрели на него с нескрывае-
мой злобой и презрением.

– Пригрели гадюку в нашем колхозе, – услышал Дмитрий за спиной сильный грудной женский голос. Среди мужчин, как первый порыв предгрозового ветра, послышались угрожающие голоса. Казалось, еще минута – и дюжие мужицкие кулаки замолотят по груди, голове и спине Бубенца.

Ио дворе тоже толпился народ. Около самого крыльца стояли Екатерина Васильевна и Женя. В глазах жены Дмитрий увидел сострадание. Он было кинулся к ней, но Женя, вытянув руки ладонями вперед, остановила его. Она побледнела, плотно сжатые губы задрожали.

– Иди! – раздался голос Екатерины Васильевны. – Разговор потом будет. Вначале оправдайся. Докажи, что ты невиновен. Иди!

Женя, прикусив нижнюю губу, чтобы не расплакаться, кивнула головой. Бубенец, пошатываясь, почти ничего не видя перед собою, вошел в комнату.

Первым, кого увидел Дмитрий, был секретарь райкома партии Юлдашев. Он только что вошел и закрывал за собой дверь из комнаты, в которой, как знал Дмитрий, обычно останавливался Лобов. За столом сидел человек в милицее-ской форме и писал. В нем Бубенец узнал начальника районной милиции Гулямова.

– Вот привел, товарищ Гулямов, – сказал задержавший

Бубенца колхозник, входя следом за ним в комнату.

— Благодарю, — не отрываясь от бумаги, ответил Гулямов. — Садитесь, Бубенец. А вы, товарищ, можете быть свободны.

Но Бубенец не сел. Когда захлопнулась дверь за колхозником, он посмотрел на секретаря райкома и, заметив его изучающий взгляд, спросил:

— Зачем меня сюда привели? Сказали — я и сам бы пришел. — В голосе Дмитрия звучала обида.

— Скажите, товарищ Бубенец, — не отводя от Дмитрия взгляда, спросил Юлдашев, — где вы были вчера вечером и прошлую ночь? Только говорите честно, как коммунист.

— Вчера вечером? — смутился Дмитрий. — Вчера вечером я был пьян, товарищ секретарь райкома. — Голос Дмитрия от смущения и подавляемого волнения звучал хрипло.

— А что делали между одиннадцатью и двумя часами ночи?

— Не помню, товарищ секретарь райкома, — так же хрипло ответил Бубенец.

— Как это? Совсем не помните? — В голосе Юлдашева слышалось недоверие.

— Ей-богу, ничего не помню, — ответил чистосердечно Бубенец, покраснев, но глядя прямо в глаза секретаря райкома. — Пьян был, как самая последняя сволочь.

Гулямов, еще при первом вопросе Юлдашева отложивший перо, откинулся на спинку стула и, опершись подбород-

ком на ладонь, пристально и недоверчиво смотрел на Дмитрия.

– Пьянство не является смягчающим вину обстоятельством, – раздельно, поучительным тоном заговорил он. – Вам лучше сразу самому во всем сознаться. Рассказывайте.

– Да чего рассказывать? – волнуясь, горячо заговорил Дмитриии. Голос его дрожал. – Я ничего за собой не знаю. Может быть, вчера пьяный чего-нибудь натворил, тогда скажите. Я ничего не помню.

– Нет, это вы сами припомните и расскажете, – повысил голос Гулямов. Юлдашев досадливо, с упреком взглянул на начальника районной милиции, но тот, не заметив этого, продолжал: – Из-за чего вы сегодня в два часа пополудни выстрелом из пистолета через окошко убили Александра Даниловича Лобова?

Бубенец пошатнулся. Мгновение он, широко открыв глаза, глядел на Гулямова, не переводя дыхания. Довольный произведенным впечатлением, начальник районной милиции торжествующе взглянул на секретаря райкома, ожидая одобрения, но, встретив осуждающий взгляд Юлдашева, потух.

– Полковник убит?! – выдохнул наконец Дмитрий остановившийся в горле крик. Лицо его искривилось. Он успел еще выкрикнуть: – Кто же на него посмел?.. Чего вы городите!.. – и вдруг заплакал, размазывая кулаком катившиеся по щекам слезы.

Юлдашев подставил Бубенцу стул. Дмитрий сел и, облокотившись о колени, закрыл ладонями лицо. С минуту все молчали. Слышались только удерживаемые, рвущиеся из горла Бубенца рыдания.

– Разве вы еще не слышали, что Любов убит? – спросил Юлдашев, когда Дмитрий немного пришел в себя.

– Честное слово, ничего не знал, – поднял голову Дмитрий. Но лицо его вновь начало кривиться. – На фронте из каких только переделок живым выходил, а тут... – выговорил он глухо и снова уткнулся в ладони.

– Он вам пока больше не нужен? – спросил Юлдашев Гулямова.

Я должен его еще опросить, а потом взять под стражу, – ответил начальник милиции.

– Товарищ Бубенец, – обратился к Дмитрию Юлдашев, – пойдите в сени и посидите пока там. Мы вас позовем.

Гулямов сделал протестующий жест, но секретарь райкома снова твердо повторил:

– Идите, Бубенец. Выпейте воды, умойтесь и посидите.

Гулямов, не желая спорить с секретарем райкома партии, вызвал со двора одного из приехавших с ним милиционеров и приказал:

– Задержанный Бубенец пока будет сидеть в сенях. Смотрите, чтобы он не скрылся.

– Ты точно установил, что здесь произошло: убийство или самоубийство? – спросил Юлдашев начальника район-

ной милиции, когда милиционер закрыл за собою дверь.

Начальник милиции пожал плечами.

– Без экспертизы определенно ничего сказать нельзя, – внушительно заговорил он. – Из пистолета, который лежал около тела Лобова, был сделан выстрел, но когда – в два часа ночи или в два часа дня – может сказать только экспертиза. Но я склонен думать, что экспертиза подтвердит самоубийство.

– Не верю я в самоубийство Александра Даниловича, – негромко произнес Юлдашев. – Такие люди не стреляются.

– Да и я не особенно верю, – согласился Гулямов. – Поэтому и надо отрабатывать обе версии. Допускать и самоубийство, и убийство.

– Но ведь ты не сможешь предъявить Бубенцу конкретных обвинений? – спросил Юлдашев.

– Пока, конечно, не могу, – согласился Гулямов.

– А сам ты его подозреваешь или нет? – добивался прямого ответа секретарь райкома.

– А кто же тогда убил Лобова?

– Ну, это уже твое дело, разыскать того, кто убил Лобова.

– Вот я и думаю прощупать Бубенца. Посажу – он увидит, что деваться некуда, и сознается.

– Нет, – резко ответил Юлдашев, – на арест Бубенца я согласия не дам. Оснований не вижу.

– Но в последнее время он сильно пьет.

– В этом и наша вина есть. Больше всех, конечно, моя.

Мало знаю, чем живут мои коммунисты.

– А разве то, что он вчера грозил Лобову, не доказательство? – упирался Гулямов.

– Слабое доказательство. Бубенец был пьян, дебоширил. Лобов в таких случаях излишней вежливостью не страдал. Допускаю, что спьяна и разозленный Бубенец, после того как его Александр Данилович вышвырнул из комнаты, мог грозиться. Но, конечно, он мог это сделать только до бесчувствия пьяный. Ведь они фронтовые друзья. Нет, Бубенца арестовывать не нужно.

– А если он сбежит? – выкинул последний козырь Гулямов. Юлдашев с сожалением посмотрел на Гулямова.

– Нужно тебе научиться разбираться в людях, – уже сердясь, заговорил он. – Бубенец гибель Лобова больше, чем мы с тобой, переживает. Я уверен, что в убийстве Лобова он не замешан. Ведь Александр Данилович его в партию рекомендовал. А ты знаешь, когда это было? В окружении. Люди на смерть шли и хотели умереть коммунистами. И Бубенец такой. Куда он от партии побежит? А кроме того, он жену любит...

Требовательный гудок легковой машины около ворот дома прервал речь Юлдашева. Секретарь райкома выглянул в открытое окно.

– Кажется, из республиканского аппарата приехали, помогут разобраться, – с удовлетворением сказал он.

– А вы разве вызывали? – скрывая под безразличным то-

ном свое неудовольствие, спросил Гулямов.

– Нет, не вызывал. Я просто звонил в Цека, – ответил Юлдашев, выходя навстречу приехавшим.

Алексей Кретов, познакомившись с Юлдашевым, первым делом попросил провести его и приехавшего с ним эксперта в комнату, в которой произошло убийство. Не заходя на половину хозяев, они прямо, через отдельные маленькие сенцы, прошли в горницу.

Тело Лобова уже лежало на застланной чистой простыней кровати, усыпанной цветами. У самого изголовья, наклонившись над лицом покойного, сидел седовласый худощавый старик-узбек.

– Кто это? – шепотом спросил Алексей у Юлдашева.

– Абдукадыр Мерген, – так же шепотом ответил секретарь райкома, – старый друг Александра Даниловича. Проводником у него был, когда с басмачами дрались.

Скорбь старика была так по-человечески горька, что Алексей, а за ним и Юлдашев с экспертом остановились на пороге. Вдруг Алексей услышал, что старик негромко говорит по-узбекски. Он прислушался.

– ...сабли грязных собак басмачей не могли убить тебя, Искандер, – говорил старый Абдукадыр, вытирая катившиеся по щекам слезы. – Немецкие басмачи-фашисты бежали перед тобой и твоими друзьями, мой Искандер. Как же сейчас ты недосмотрел? Почему позволил какому-то змеенышу подползти и ужалить тебя? Ой-бой, мой Искандер! Моя ста-

рая грудь разрывается от горя. Разве можно старику наносить такую боль, Искандер? Ямного старше тебя, мой Искандер, и скоро закрою навеки свои глаза, как это сделал ты сегодня ночью. Но прежде чем это случится, Искандер, я найду тех, кто нанес тебе предательский удар. Это сделал не тот молодой джигит, который женился на дочери нашего друга Сеньки. Сейчас на него упала грязная тень, но ты не верь этому, Искандер. Я разыщу следы твоих убийц, клянусь тебе, Искандер. И если я найду их среди людей, то пусть суд говорит свое слово, а если я встречу их в горах, тогда пусть говорит моя старая винтовка. Ты знаешь, я никогда не даю промаха и обещаю тебе, Искандер...

В сенях послышался топот тяжелых сапог – это спешил к начальству Гулямов. Абдукадыр оглянулся на шум и, увидев Юлдашева, встал. Он еще раз скорбно посмотрел на побелевшее лицо Лобова и медленно пошел из комнаты. Алексей посторонился, чтобы дать дорогу старику.

Проходя мимо секретаря райкома, Абдукадыр остановился и сказал по-узбекски:

– Какое горе свалилось на нас, друзей Искандера! Какое горе...

– Мы все горюем, отец. Александр Данилович был другом каждого честного человека.

– Искать надо, кто убил Искандера. Это сделал чужой нам человек. В «Счастливом» нет таких, в колхозе Кирова нет таких, во всем районе нет таких. Это к нам приходил чужой

человек. Искать надо!

– Найдем, отец, – по-узбекски ответил старику Алексей. – От нас они никуда не уйдут. Найдем.

– На подозрении уже есть один, – вставил свое слово Гулямов.

Старик не ответил на слова начальника раймилиции. Пристально, оценивающим взглядом посмотрел он на Кретова.

– Ищи. Мы тоже искать будем, – по-русски ответил он и, скорбно улыбнувшись, добавил:

– Если народ ищет, куда враг спрятаться может? Найдем. Эксперт, внимательно осмотрев голову Лобова, уверенно заявил:

– О самоубийстве не может быть и речи. Выстрел произведен с расстояния не ближе пяти метров. Подтверждаю факт убийства.

– Я с самого начала был убежден в этом, – поддержал эксперта Гулямов.

– А где пистолет, лежавший около тела Лобова? – осведомился эксперт.

– Не беспокойтесь, – заверил эксперта Гулямов. – Я сам, производя подъем трупа и осмотр места происшествия, два часа тому назад металлической линейкой передвинул пистолет на бумагу и завернул. Пистолет на боевом взводе, и из него был произведен выстрел. Время выстрела без экспертизы установить мы не могли.

– Установим, – пообещал Алексей, принимая от Гулямова

завернутый в бумагу пистолет. Осторожно развернув его, он поставил оружие на предохранитель.

— У входа в палисадник я выставил пост, — докладывал тем временем Гулямов. — Туда еще никто не заходил.

— Благодарю вас. Вы поступили очень правильно, — поблагодарил Кретов начальника милиции.

Оставив эксперта писать предварительное заключение, Алексей занялся осмотром комнаты и сада.

Но еще до этого Юлдашев отвел Кретова в сторону и спросил:

— Вы не возражаете, если мы тело Александра Даниловича оденем и на несколько часов перенесем в колхозный клуб? Народ хочет с ним проститься. Его ведь тут все знают.

— Пожалуйста, — разрешил Кретов. — Санитарная машина приедет не раньше двенадцати. В крайнем случае ее можно будет задержать.

— Еще один вопрос. Вам начальник милиции пока не нужен? Я бы хотел, чтобы он наблюдал за порядком в клубе.

— Не возражаю, — ответил Алексей. — Дело будет вести наш отдел. Услуги товарища Гулямова, вероятно, не потребуются.

Осмотр комнаты показал, что здесь нет ничего, что могло бы навести на след убийц. Проходя в садик, Алексей показал головой: у калитки, действительно, стоял милиционер, но садик был скрыт он него углом дома, и что в нем делалось, постовой видеть не мог.

Как раз против окна, через которое убийца мог стрелять в Лобова, вишенник разросся особенно густо. Осматривая зеленую стену ветвей, Кретов заметил, что некоторые листочки странно свернулись. Внимательно исследуя заинтересовавшее его место, Алексей увидел на ветках несколько пустых стебельков. «Очень похоже на след выстрела, – подумал Кретов. – Убийца, видимо, стрелял из гущи вишенника». Выстрелом некоторые листочки были сорваны или повреждены.

Алексей обошел вишенник кругом. Так и есть. Вот оно место, где стоял стрелявший. Густая трава сильно помята, на кустах отдельные веточки надломлены, чтобы не мешали стрельбе. Алексей, не наступая на траву, наклонился и взглянул сквозь вишенник в том месте, где веточки были надломлены. В образовавшемся небольшом просвете было видно только одно окно дома Котовых – то окно, около которого упал Лобов, сраженный пулей преступника. Значит, преступник стрелял отсюда. Интересно, возьмет ли собака след? Но, наклонившись к самой траве, Кретов огорченно присвистнул: на помятых травинках виднелась коричневая пыльца. След был присыпан нюхательным табаком. Огорченный тем, что приходится отказаться от помощи сыскной собаки, Кретов выпрямился и огляделся. Справа садик был почти не огорожен. Стоявший здесь когда-то дувал давно развалился и представлял собой узкий и длинный, довольно крутой пригорок. Только через него мог прийти и уйти пре-

ступник.

Но, изучая примятую траву, Кретов удивился. Следов явно было два, причем второй след значительно свежее первого. Создалось впечатление, что преступник возвращался, чтобы полюбоваться на дело рук своих. «Что ж, бывает и такое, – подумал Алексей, – хотя в данном случае это маловероятно. Первым делом попробуем разыскать патрон. Преступник в темноте навряд ли его подобрал».

Однако пистолетный патрон разыскать оказалось не так легко. Трудность заключалась в том, что неизвестно, из какой системы пистолета произведен выстрел, и, следовательно, неизвестно, куда выбросило патрон – вправо или назад. Только после долгих усилий Алексей разыскал маленький латунный стаканчик, затерявшийся в путанице трав у самых корней одного из вишневых кустов. Рассматривая патрон, Алексей присвистнул: «Калибр 7,65. Такой же, как и лобовского пистолета. Можно подумать, что, выстрелив, преступник подбежал к окну и подбросил свой пистолет к телу Лобова. Занятно, возможно, хотя и мало реально. Проверим». Завернув патрон в бумажку, Алексей уложил его в полевую сумку и отправился по оставленному в траве преступником следу.

На крутых ребрах обвалившегося дувала четко отпечатались два следа. Один, более ранний след, был отпечатком мужской ноги, обутой в новый ботинок никак не меньше сорок третьего размера. Второй, более свежий, оставила легкая

нога человека, обутого в обувь с мягкой подошвой без каблука. Осторожно, чтобы не затоптать их, Алексей выбрался из вишенника в проходивший за домом Котова переулочек. Домов в этом небольшом переулке совсем не было, и дальше, за приусадебными участками колхозников, он выходил прямо в поле.

В конце переулка Алексей неожиданно столкнулся с Мергеном. Старик был взволнован.

– Я правильно говорил, что Искандера убили чужие люди, – без всякого предисловия обратился он к Кретову. – Следы в вишневом садике видел?

– Видел, – ответил Алексей, сообразив, что второй след был Мергена. «Проявил начальник милиции распорядительность. Поставил охрану», – усмехнулся он про себя. – Видел два следа. Один – чужого человека, другой – ваш, отец.

– Правильно, – подтвердил Абдукадыр Мерген. – Сейчас я покажу тебе, где стояла чужая машина. Пойдем прямо, здесь песок – следов совсем нет. Я хорошо смотрел.

По рядку между хлопковыми кустами, срезая угол поворота, старый охотник провел Кретова к тутовой и карагачевой посадке, росшей вдоль магистрального арыка. Параллельно арыку шла узенькая полевая дорожка. Абдукадыр Мерген подвел Алексея к обнаруженному им подозрительному месту.

На увлажнившейся от арыка земле следы автомашины были отчетливо видны. Алексей был достаточно опытен, что-

бы безошибочно определить, что здесь стояла полуторка «ГАЗ», и причем стояла продолжительное время, так как следы отпечатались глубоко и чрезвычайно резко. В том, что остановка этой машины здесь связана с убийством Лобова, Кретов не сомневался. В этом его убедили следы мужских ботинок. Такие же следы он уже видел в саду Котова. Кроме того, Кретов сразу же отметил про себя, что на правом заднем скате внутренняя шина имела особенный рисунок протектора, не свойственный шинам советского производства. «Трофейная?! – удивился Алексей. – Как она до сих пор уцелела? Лет семь уже этого барахла не видел».

На странный рисунок отпечатка шины обратил внимание и Абдукадыр Мерген.

– На чужой машине одно колесо совсем не наше. Надо эту машину искать. Спросить шофера, зачем в такую-то ночь приезжал в «Счастливое»? Кого привозил? Зачем помог Искандера убить?

– Будем искать, отец, – заверил старика Кретов. – Обязательно найдем, можете быть уверены.

– Я тоже искать буду. Весь район обойду, по всем дорогам искать буду, где есть такие следы.

Алексей сообразил, что такой опытный следопыт, как Абдукадыр Мерген, может оказать уголовному розыску неоценимую помощь.

– Присядем, отец, поговорим, – пригласил он старика, усаживаясь сам на арычную насыпь. Абдукадыр Мерген присел

против него на короточки. Кретов объяснил старику, как он может помочь уголовному розыску в поимке убийц Лобова. Особенно тщательно Алексей объяснил старику, чтобы тот в своем желании отомстить за Лобова не перегнул палку.

– Просто найти машину – это, отец, только половина дела. Шофер может оказаться опытным преступником, будет отпираться и затянет дело. Если машина найдется, начинайте за нею следить. Но сразу же извещайте нас. Постарайтесь выяснить, что за человек шофер, с кем он дружит, кто с ним ездит на машине. Но сами ни во что не вмешивайтесь. А обо всем, что узнаете и увидите, пишите вот по этому адресу.

Алексей на листке из блокнота написал свой адрес и подал старику. Тот внимательно прочел написанное, свернул бумажку в маленький треугольник и тщательно упрятал его за пазуху.

– Не трудно вам будет, отец? – спросил Кретов. – Это нелегкое дело!

– Я коммунист, – просто ответил старик. – Искандер поручился, что я буду хорошим большевиком еще задолго до твоего рождения, молодой чекист.

Алексей почувствовал, что он обидел старика своим вопросом. Потянулась неловкая пауза. Чтобы прервать ее, Алексей спросил:

– А куда идет эта дорожка?

– Она идет вон туда, до старой сушилки, – показал старик. – А затем поворачивает и выходит на шоссе.

Вместе с Абдукадыром Мergenом Алексей дошел до старой сушилки, но машина здесь не останавливалась, а прямо прошла к шоссе. Простившись со стариком, Алексей повернул обратно.

Забрав из дома Котова привезенный с собой гипс, он снял отпечатки следа башмака на обрушенном дувале и такого же следа около стоянки полуторки, а также отпечатки характерной шины. Все это заняло немало времени, и только около полудня Алексей мог заняться допросами.

Гулямов еще до его приезда успел допросить Женю и Екатерину Васильевну. Прочитав протоколы, Кретов убедился, что они сделаны со следственной точки зрения безукоризненно. Обстановка в доме в момент убийства Лобова была отражена полностью. И все же Алексей решил еще раз поговорить с обеими женщинами.

Но ни Женя, ни Екатерина Васильевна ничего нового сообщить не могли. Да, Дмитрий Бубенец вчера ночью пришел пьяный до бесчувствия, скандалил и, выброшенный Александром Даниловичем из дома, уходя, грозил ему. Все это они подтверждают, но не допускают даже мысли о том, что Александр Данилович погиб от руки Бубенца. Обе они категорически утверждали, что никогда не видели у Бубенца никакого оружия. Екатерина Васильевна, отвечая на вопрос, давно ли Бубенец начал пить, заговорила, как бы рассуждая.

— Мужики все пьют, а фронтовики в особенности. Я что-то не видала непьющих. Разве уж который совсем ледащий.

Зятек мой тоже не дурак выпить. Но пил в меру, как положено. Тут уж худого не скажешь, соблюдал себя и по работе авторитетом пользовался. Излишествовать он начал недавно. Вот как приехали эти самые амнистированные.

– Что они, ваши местные жители? – вставил попутно вопрос Кретов.

– Один-то, Степка Запрометов, здешний. С детства знаем ухаря. Отца с матерью в могилу загнал своим буйством. Пропился до нитки и в позапрошлом году в правлении кассу взломал. Более двадцати тысяч украл, мерзавец. Двадцать пять лет дали, а сейчас уже на свободе гуляет. И еще два жучка есть. Тех я не знаю ни по имени, ни по фамилии – не наши. Тоже амнистированные. Прислали их для трудоустройства. Вот они тут и устраиваются.

Екатерина Васильевна замолчала. Молчал и Кретов, давая возможность ей собраться с мыслями и высказаться до конца.

– Вы не думайте, товарищ, что если Митька мне зять, то я поэтому за него горой стою, – снова заговорила она. – Мне Александр Данилович, пожалуй, ближе Митьки был. Ведь они с моим-то Семеном какую тяготу жизни рядом прошли. Да меня бы Семен на месте убил, если бы я в чем душой покривила, выгораживая Митьку. Но я вам от чистого сердца говорю, не виноват Митька. Спьяну он сказал необдуманные слова, ну в азарте был, а так... Да для него Александр Данилович, как бог был. Только и слышим бывало: «Гвардии пол-

ковник говорил...» да «Когда мы с гвардии полковником...» Святой для Митьки человек был Александр Данилович. А вот вырвались по пьяной линии дурные слова, и теперь на всю жизнь пятно. Вот и все. Если что не так, не обессудьте, спрашивайте.

Сильно осунувшаяся за одну ночь Женя на дополнительном допросе тоже ничего не могла добавить к тому, что уже рассказала Гулямову. Но она сама задала Кретову вопрос:

– Так значит правда, что следствие будете вести вы, а не наш начальник милиции?

– Да, – ответил Кретов. – Расследование дела об убийстве Лобова будет вести республиканский розыск.

– Хорошо, – облегченно вздохнула Женя. – Значит, разберетесь.

– А разве Гулямов не смог бы разобраться? – удивился Кретов. – У вас есть какие-либо подозрения?

– Нет у меня никаких подозрений, – уклончиво ответила Женя, – и Гулямов со временем разобрался бы. Только когда бы это было? Больно уж он на видимость кидается. Как узнал, что вчера мой Митя пьян был и скандалил, так и решил, что он убил Александра Даниловича.

– Из-за чего пьет ваш муж? Может быть, у вас семейная жизнь не налаживается? Бледное лицо Жени покраснело от смущения. Но глаз она не опустила.

– Нет, семейная жизнь у нас ладно пошла. Мой Митя – душевный человек, честный и работающий, только горяч он, по-

рывист и немного слабоват. Любит, чтобы его хвалили, помнили, что он фронтовик, орденосеи, много раз раненный. Ну, а его новые дружки пользуются этим. Митя ведь много зарабатывает, не налево, а в колхозе. Вы проверьте по ведомости в правлении. Ему есть на что выпить и на все другое хватит. А денег беречь он не умеет. Натура у него широкая. – В голосе молодой женщины Кретов почувствовал не осуждение, а большую любовь к мужу и гордость за него. – Вот друзья-приятели и кружат ему голову, уже иным, пасмурным, тоном заговорила Женя. – Что они ему говорят, когда гуляют, не знаю, но пьяный Митя совсем не человеком становится.

– А скажите, Евгения Семеновна, – спросил Кретов печально умолкшую женщину, – Любов давал вашему отцу телеграмму о своем приезде?

– Давал. Позавчера мама получила.

– Кто в «Счастливом», кроме вас, мог знать о приезде Александра Даниловича?

– Да весь колхоз знал. У нас ведь телеграфа нет. Телеграммы из района по телефону передаются в правление. Ну и всегда всем все известно. А тем более об Александре Даниловиче. Его ведь здесь все знали.

Отпустив Женю, Кретов решил проверить подозрение, возникшее у него в момент осмотра следов в саду, и достал пистолет, поднятый около тела Любов. Он тщательно сличил номер пистолета с номером, вписанным в любовское удо-

стоверение на право ношения оружия. Номера совпали. Значит, версия о подкинутом оружии исключалась. Пистолет принадлежал Лобову. Спрятав оружие и документы, Алексей вызвал Бубенца.

Многочасовое сидение в сенях в одиночестве, под враждебными взглядами толпившихся у дверей колхозников, не прошло для Дмитрия бесследно. Он осунулся и почернел. За целый день только Женя и Екатерина Васильевна украдкой подсаживались к Бубенцу. Но невеселый был у них разговор.

Войдя в комнату, Дмитрий молча поклонился на приветствие Кретьова и сел на предложенный стул.

После обычных обязательных вопросов, устанавливающих личность допрашиваемого, Алексей спросил Бубенца, давно ли он знает Лобова.

– С февраля сорок второго. С декабря сорок третьего и до конца войны был шофером на личной машине гвардии полковника, – глухо ответил Бубенец.

– Не обижал он вас, не оскорблял?

– Обидеть такой человек не может. Если и всыплет когда по первое число, так потом сам ему благодарен бываешь за то, что вовремя всыпал, споткнуться не дал, – несколько оживился Дмитрий.

– Однако вон у вас на щеке не от вчерашнего ли всыпания осталось?

– А что ж гвардии полковнику оставалось делать, когда я с разводным ключом на женщин кинулся, тещу свою с ног

кулаком сбил? За такое дело на месте пришибить свободно можно. Это гвардии полковник еще не в полную силу ударил. В Чехословакии мы один раз с власовцами столкнулись. Случайно. Пистолеты вынимать некогда было. Гвардии полковник и треснул власовца в челюсть. И все. Отжил власовец.

– Что же у вас вчера произошло?

– Ничего не помню, товарищ майор. Могу рассказать только то, что сам от жены узнал.

– Рассказывайте то, что помните сами.

Дмитрий рассказал все, что сохранилось в его памяти. Рассказал, как после работы он шел домой и встретил своих постоянных собутыльников – Степку Запрометова, Жорку Рябого и Сивоконя. У дружков было с собой несколько поллитровок водки, огурцы, хлеб и жареная курица. Вместе пошли на лужок за старую сушилку, сели, выпили и закусили. Показалось мало. В магазин за водкой посылать было поздно. Запрометов предложил пойти к Зинке Маркевич, веселой разводке. У нее всегда была крепкое виноградное вино. В маленькой хатке Зинки гулянка развернулась вовсю. После водки виноградное вино быстро ударило в голову. Когда перед вечером Екатерина Васильевна и Женя пришли в дом Маркевич, Дмитрий, по его собственному выражению, был «совсем косой». Поссорившись с женой и тещей, он остался со своими дружками в доме Зинки, но что было дальше, нечего не помнит. Однако Дмитрий не остановился на этом

и пересказал дальнейшие события так, как они ему были известны со слов жены.

Кретов не мешал ему. Он смотрел в искаженное мукой лицо Бубенца. Ознакомившись с документами, осмотрев местность и поговорив с женщинами, Алексей увидел, что доказательства против Бубенца были очень шаткими. Но не в этом было главное. Главное было в том, что интуиция властно диктовала Кретову, что Бубенец не мог поднять руку на Лобова. С каждой минутой Алексей все более убеждался, что перед ним сидит не преступник, а случайно споткнувшийся человек. Теперь Кретову стало ясно, что прав старый узбек-охотник: убийц Лобова нужно искать в другом месте. Дмитрия Бубенца не было среди тех, кто приезжал в «Счастливое» на машине, обутой в трофейную шину. Когда Бубенец рассказал о том, как он, уходя, грозил Лобову, Алексей, пристально глядя в его глаза, подтвердил:

– Да. Эти самые ваши угрозы и являются веским доказательством против вас.

– Разве я не понимаю? – уныло согласился Дмитрий. – Конечно, меня засудят. Да и я сам любого бы засудил при таких доказательствах. Только обидно, что настоящие гады уйдут от расстрела, а люди будут думать, что Митька Бубенец гадом оказался.

– У нас, товарищ Бубенец, никого не засуживают, – поправил Дмитрия Кретов. – У нас судят преступников, и судят только по закону.

– Я понимаю, – мрачно согласился Бубенец.

Чтобы дать возможность Бубенцу справиться с овладевшими им мрачными мыслями, Алексей достал портсигар и не спеша закурил. Бубенец от предложенной ему сигареты отказался.

– Расскажите мне, кто такие Жорка Рябый и Сивоконь? – снова приступил к допросу Кретов.

– А про Степку Запрометова вы все знаете? – взглянул исподлобья на Кретова Бубенец.

– Достаточно знаю, – улыбнулся Кретов.

– Ну и эти два не лучше Степки, – оценил Дмитрий своих вчерашних собутыльников. – Жорка имел пятнадцать лет за мухлевание с гирями и обсчет покупателей. Он до тюрьмы заведующим продуктовым ларьком работал. А Сивоконь был осужден на двадцать лет за убийство и грабеж квартиры. Оба они уверяют, что их оговорили, что они сидели невинно.

Пренебрежительный тон Дмитрия показывал, насколько он верил в невиновность Рябого и Сивоконя.

– На каком счету они в колхозе? Как работают?

– Заставишь таких работать, – пренебрежительно усмехнулся Бубенец. – Совсем они не работают.

– А на какие средства живут и даже пьянствуют? – сделал вид, что удивился, Кретов. – Воруют?

– Про воровство не слышно, – отрицательно покачал головой Бубенец, – Хотя, если разобраться, живут вроде как на ворованное. Колхозникам работать надо, на базар ездить

некогда, а овощи поспевают и гниют. Вот Жорка с Сивоконем и возят овощи в город на продажу. Здесь возьмут за гривенник, а в городе продают за рубль.

– А как на это смотрит правление колхоза? – любопытствовал Кретов. – Мирится с ними?

– В правлении колхоза долго с ними возились, да видят, что все без толку, и плюнули. Выгонять из колхоза не решаются. Кляуз не оберешься. Они же амнистированные, к нам для трудоустройства присланы. Районный прокурор за них горой встанет.

– А вам они не предлагали сделать какое-нибудь доходное дельце?

Дмитрий опустил глаза. С минуту он молчал, видимо, колеблясь, говорить или не говорить, но затем, собравшись с духом, ответил откровенно:

– Когда хлеб возили в счет госпоставок – мы его возим без мешков, насыпью, и вешаем только на пункте, – Сивоконь предлагал с каждой машины по пути отсыпать мешка два-три. Из-за этого даже собрался грузчиком работать.

– Что вы ему на это ответили?

– Я ему сказал, чтобы он о таком и не заикался, если хочет по земле ходить.

– Как он реагировал на это?

– Сразу присох. Говорит, что пошутил.

– А другого ничего больше не предлагал?

– Нет. Больше ничего не было. Только это.

– Ну вот, видите, товарищ Бубенец, в какой грязи вас хотят утопить, – укоризненно заговорил Кретов. – А вы дружите с этими мерзавцами. Фронтовик, орденосец, член партии. Эх, вы!..

Лицо Дмитрия налилось кровью, и он снова опустил глаза. Потянулось долгое молчание.

– Не дружил я с ними, – наконец неуверенно заговорил Дмитрий – Только так... встречался... Сивоконь поет очень здорово. Душевно поет, когда выпьет. Я ведь и не хотел с ними напиваться. Каждый раз думаю, выпью стакан-другой и уйду. И как-то все не выходило уйти вовремя... напивался.

– Проще говоря, они вас спаивали, – уточнил Кретов.

– Да пожалуй, что так, – поколебавшись, согласился Дмитрий. – И ведь на мои деньги спаивали, сучьи дети. Мне больше всех платить приходилось.

– В общем, ваши собутыльники не утруждали себя излишними расходами, – пошутил Кретов.

Бубенец невесело усмехнулся.

– На каком базаре города торгуют эти ваши «колхозники»? – снова задал вопрос Кретов.

– Больше всего на Центральном, – подумав, ответил Бубенец. – Это самый дорогой базар в городе. Но бывают и на других, только очень редко. Больше на Центральном.

– Какой номер обуви вы носите? – как бы случайно задал вопрос Кретов.

– Сорок первый, иногда сороковой, – растерянно отве-

тил Бубенец, удивленный неожиданностью вопроса. — Если с широким носом, то сороковой. У меня пальцы больные.

— А вчера вы в этих же ботинках были?

— Да, в этих. Я ведь не разувался нынче, — сконфузился Бубенец. — Так и проспал всю ночь, как был.

— Оружие у вас есть?

— Есть ружьишко, тулка, двустволка, шестнадцатый калибр.

— Я про другое оружие вас спрашиваю. Пистолет или револьвер имеете?

— Нет. В армии я с сорок третьего года с «вальтером» ездил. С фрица одного снял. А когда война кончилась, я его гвардии полковнику отдал. Подарил вроде бы.

— Лобову?! Зачем он ему?!

— Гвардии полковник на гражданку его взял. Он и сейчас у него должен быть. Кретов развернул сверток и показал Бубенцу лобовский пистолет.

— Ваш?

— Мой, — любовно, как на друга, глядя на оружие, ответил Бубенец. — Номер восемь тысяч двести шестьдесят девять. Два года со мной ездил. Безотказное оружие.

— Все-таки зачем же Лобову понадобился ваш пистолет? — недоумевал Кретов. — Что, у него другого оружия не было, что ли?

— Тут вроде бы по-дружески, как память, — смущаясь и в то же время боясь, что ему не поверят, горячо заговорил

Бубенец. – У гвардии полковника точно такой же «вальтер» был. Так он его своему другу подарил, подполковнику, у нас в штабе дивизии работал. Фамилию я только позабыл. То ли Зурин, то ли Зудин или что-то вроде этого.

Подробно записав ответы Бубенца и дав ему прочитать и подписать протокол допроса, Кретов снял отпечатки с подошв его ботинок. Покончив с этой процедурой, Алексей облегченно вздохнул.

– Ну вот, пока все.

– Мне здесь подождать или в сенях? – снова поугрюмел Бубенец.

– Нет, зачем же в сенях? Идите, куда вам нужно. Если понадобится, вызовем, – улыбаясь, ответил Кретов.

– Разве меня не посадят? – вспыхнул от радости Бубенец.

– Нет, идите домой.

Дмитрий торопливо, прыгающими пальцами застегнул китель, затем, опустив руки по швам, прерывающимся от волнения голосом заговорил:

– Спасибо вам, товарищ майор! Спасибо, что поверили. Да я... я не знаю... – и вдруг, не найдя слов, он макнул рукой и утер кулаком глаза.

– Меня зовут Алексей Петрович Кретов, – давая понять, что официальный разговор окончен, подсказал Алексей. – У меня к вам две просьбы, Дмитрий Иванович. Во-первых, ни слова не говорите ни Запрометову, ни двум другим, что уголовный розыск интересуется ими. Могу я на это рассчиты-

вать? Ну вот и договорились. А вторая просьба, если вы не возражаете, – пригласите сюда вашу супругу и тещу.

Бубенец бегом кинулся в сени. Алексей, укладывая в полевую сумку бумаги, слышал через неплотно затворенные двери радостные возгласы женщин и взволнованный голос Дмитрия, повторявшего:

– Поверил... честное слово, поверил, что я не виноват!..

– На вашего мужа, Евгения Семеновна, и на вашего зятя, Екатерина Васильевна, падало очень тяжелое обвинение, – несколько официально начал Кретов, когда радостно взволнованные женщины вошли в комнату. – К счастью, это обвинение не подтверждается. Пока можно с уверенностью сказать только одно, что участие вашего супруга и зятя в убийстве товарища Лобова не доказано. Но поведение его особенно в ночь убийства вызывает подозрение, заслуживает резкого осуждения. Дмитрию Ивановичу надо круто изменить свое поведение, а вы обе должны помочь ему в этом.

– Да я... – начал было Бубенец.

– Ладно, – прервала его Екатерина Васильевна. – У нас разговор будет свой, семейный. А вам, товарищ, большое от всех спасибо за то, что правильную линию взяли, не по пустой видимости, а по правде разбираться начали. Большое спасибо!

Женя ничего не могла сказать, но ее большие, сияющие от счастья глаза смотрели на Кретова с такой благодарностью, что майору стало неловко, и он торопливо начал прощаться.

Глава 4. Дела семейные

Полковник Турин запаздывал со службы. Анна Павловна, жена полковника, очень беспокоилась. Уже давно поспел так любимый Петром Фомичом борщ, а его все нет. Котлеты, которые сегодня удались на славу, остынут, а у подогретых котлет и вкус не тот, и сочность пропадает.

Анна Павловна позвонила по телефону в кабинет мужа, но ответа не дождалась. Тогда она набрала номер дежурного по штабу округа, где уже шестой год работал полковник Турин. Дежурным по штабу оказался незнакомый ей офицер. Узнав, с кем он разговаривает, офицер коротко сообщил, что полковник Турин сейчас находится в почетном карауле, и когда освободится, неизвестно. Почетный караул стоит не в помещении штаба военного округа.

Анна Павловна окончательно расстроилась. Что это за безобразие! Петра Фомича направляют в караул, как будто он сержант или лейтенант. Смутно представляя, чем отличается почетный караул от обычного, Анна Павловна решила, что Петру Фомичу предстоит бессонная ночь и всевозможные хлопоты с этим самым караулом.

Полковница не любила, когда случайные, посторонние события нарушали налаженный ритм семейной жизни. Где-то и когда-то Анна Павловна вычитала, что секрет долголетия, секрет сохранения сил и цветущего вида коренится в пра-

вильной, размеренной жизни. А основным признаком такой жизни, как поняла Анна Павловна, было регулярное и своевременное принятие пищи. Нужно признать, что ей не только удалось наладить эту разморенную жизнь, но и исподволь приучить к ней своего довольно беспокойного мужа. Петр Фомич выше всего и важнее всего считал свою работу. Это был прирожденный солдат, храбрый офицер и способный штабист. Он не то чтобы не ценил квартирный уют и спокойствие, а просто считал, что уют должен помогать работе. Анна Павловна же считала, что наоборот, работа должна обеспечивать уют. Петр Фомич не хотел спорить с женой по такому, как ему казалось, пустячному, непринципиальному вопросу.

Звонок у двери прервал размышления Анны Павловны. Несмотря на свой более чем сорокалетний возраст и полноту, она моментально очутилась в прихожей. Но оказалось, что звонил не Петр Фомич. В прихожую вошел сын Гуриных, девятиклассник Костя, Костюнчик, как привыкла называть своего единственного ребенка не чаявшего в нем души Анна Павловна.

– Что это вы, – попеняла сыну расстроенная мамаша, – договорились с отцом опаздывать к обеду?

– Разве папы еще нет? – удивился Костюнчик.

– Нет. Он в караул назначен.

– Папа? В караул?!

– Ну да, в караул! Я сама возмущена до глубины души, –

раздраженно говорила Анна Павловна, проходя вслед за сыном в его комнату.

Полковник Гурин занимал большую и удобную квартиру. Хотя семья состояла всего из трех человек и приходящей домработницы, в распоряжении Турина было четыре комнаты. Самая просторная из них была отведена под столовую, которую Анна Павловна почему-то называла гостиной. Впрочем, и спальню она называла не спальней, а будуаром. Имел свою отдельную комнату и Костюничик.

Любой, заглянувший в комнату юного Турина, сделал бы вывод, что ее хозяин всесторонне развитый и очень интересный человек. Об этом убедительно рассказывали три больших шкафа, битком набитые книгами, и другие предметы, находившиеся в комнате. Так, например, на стене, над широкой ковровой кушеткой, служившей.

Костюничу кроватью, висели две скрещенные рапиры и маска. Чуть ниже поблескивали черной кожей боксерские перчатки. Кроме письменного стола, в комнате стоял еще маленький столик. Он полностью был завален бесчисленным количеством панелек, конденсаторов, сопротивлений, ламп, трансформаторов, проводов и прочих радио- и электродеталей. На широком подоконнике горбился микроскоп и валялось несколько кассет от фотоаппарата. Сам фотоаппарат в желтом кожаном футляре висел на дверце одного из книжных шкафов. На письменном столе грудились учебники и тетради. Вместо письменного прибора поблескивал лаком и

никелем изящный приемник «Звезда».

Однако было бы ошибкой думать, что хозяин комнаты, кроме учебы и чтения, увлекается фехтованием, боксом, знает радиodelo и любит путешествовать с фотоаппаратом на боку. Также глубоко ошибся бы и тот, кто решил, что Костюничик, стремясь углубить свои познания невидимого простым глазом мира, проводит долгие часы, склонившись над микроскопом. Все эти предметы, от рапир до микроскопа, были следами случайных и кратковременных увлечений Костюничика.

Под влиянием безмерно обожавшей его матери Костюничик чуть ли не с пеленок привык считать себя особо одаренным ребенком. С раннего детства Анна Павловна уверяла Костюничика, что он не похож на других детей – своих сверстников, что он лучше их, красивей и умней. Она прививала сыну уверенность в ожидавшем его светлом и безоблачном будущем, в высоких наградах и всеобщем преклонении перед его, Костюничика, исключительной одаренностью. И Костюничик поверил матери. Ведь так приятно считать себя одаренной личностью. Он и в самом деле от природы был наделен хорошей памятью и способностями, свойственными любому ребенку его возраста. Но над тем, для чего ему даны эти способности, Костюничик не задумывался и развивать их не пытался. Трудиться он не любил. Ему казалось, что мать права, что успех придет к нему сам по себе, так же, как приходит к человеку физическая зрелость, и ждал этой поры.

Года полтора тому назад, посмотрев кинокартину «Фанфан Тюльпан», Костюничик захотел изучить фехтование. Случайное увлечение подогрел рассказ сведущих людей о том, что хороший фехтовальщик простой крепкой палкой может отбиться от нападения пяти-шести человек. Костюничик рьяно взялся за дело. Но уже первые попытки овладеть этим благородным искусством охладили юношу. Оказалось, что умение молниеносно наносить и парировать удары приходит только после долгой и очень тяжелой тренировки. От первого же серьезного занятия у Костюничика заболел каждый мускул, каждая косточка. С тех пор рапиры спокойно пылились и ржавели на стене над кушеткой.

Увлечение боксом было тоже недолгим. Оказалось, что даже на тренировочных занятиях люди дерутся всерьез. Высокий и крепко сложенный Костюничик схватился с худощавым и юрким пареньком из трудовых резервов. Паренек едва доставал ему до плеча. Костюничик был уверен, что легко добьется победы над своим невзрачным противником. Но на первой же полминуте схватки перчатка юркого паренька плотно припечаталась к лицу Костюничика. В его мозгу вспыхнули оранжевые искры, из носа закапала кровь, из глаз – слезы. К величайшему смущению своего противника, тренера и всех окружающих, Костюничик разревелся, как ребенок. С боксом было покончено навсегда.

Таковыми же кратковременными оказались и остальные увлечения Костюничика. В брошюрах для юных радиолюбителей

телей все было довольно понятно, а вот на практике... От детекторных приемников он отмахнулся: «Не стоит возиться. Детская забава» — и сразу взялся за многоламповый. Дело, однако, на лад не пошло. Работа оказалась очень кропотливой, требовала усидчивости и терпения. Кроме того, при монтаже приходилось много паять, а электрический паяльник с успехом выполнял только одну совсем ненужную функцию — обжигал руки. Медные проволоки никак не хотели облуживаться, а облуженные — не припаивались куда следует. От горячей канифоли в комнате стоял чад, болела голова, а олово с паяльника попадало куда угодно: на столик, на пол, на брюки, даже на пальцы, только не туда, куда нужно. Кроме того, Костюничик скоро понял, что в радиотехнике уже и до него сделано очень много. Убедился в том, что он стоит у самой подошвы, а вершина познания радио находится на такой заоблачной высоте, куда у него не хватит терпения взбираться. А значит, он никогда не будет в числе самых первых, самых славных, открывающих новые, неисследованные высоты науки.

А стать самым первым, самым известным, таким, о котором все говорят, на кого с любопытством оглядываются на улице, Костюничу очень хотелось. По существу, ему было безразлично, в чем стать первым: в фехтовании, боксе, цветной фотографии или ботанике, только бы первым.

Шкафы в комнате Костюничика были забиты книгами, рассказывавшими о смелых, энергичных людях, которые ста-

вили перед собою высокие, благородные цели и боролись за достижение их. Это были книги о людях большой мечты и сильной воли. Таким людям были не страшны никакие препятствия и лишения. Даже физические мучения и сама смерть не могли сломить героев. Костюничик хотел быть похожим на них. В мечтах он часто воображал себя то Спартак, то Гарибальди, то Степаном Халтуриным. Он то вместе с профессором Трухановым спускался в недра земли, то, стоя на перекинутых через седло стремянах, с клинком в руке вел в смертельную атаку на белые полки кипящих от ненависти кочубеевских конников.

Все невзгоды, переживаемые героями книг, не пугали юношу. Он был убежден, что с легкостью перенес бы любые невзгоды, попади он в такие же условия. Костюничик часто размышлял о том, учился ли Кочубей виртуозной езде на горячих лошадях или это у него прирожденное. С год тому назад на даче он попробовал ездить верхом на смирной хозяйской лошаденке. У хозяина нашлось даже старое, ободранное, но все-таки настоящее военное седло. И вдруг в настоящем, военном, описанном во многих книгах седле Костюничик почувствовал себя очень неудобно. У лошаденки был добродушный характер и спокойный неторопливый шаг. Костюничу же казалось, что она нарочно подпрыгивает на ходу, чтобы доставить всаднику побольше неудобств. «Может быть, когда лошадь побежит, будет лучше», – подумал юноша и, выехав за околицу, принялся изо всех сил нахлесты-

вать клячу концом ременного повода. «Эх, жаль, шпор нет, а то бы я ей показал», – с сожалением подумал он. Однако лошаденка и без пришпоривания послушно потрусила стариковской неходкой рысцой. Вцепившись обеими руками в переднюю луку и вспоминая, что во всех прочитанных им книгах всадники сжимали ногами бока лошади, Костюничик проехал с километр рысью. Сжать ногами бока лошади он так и не смог. Ноги сразу же устали и начали ныть. Обратно он вернулся шагом, испытывая горячее желание идти пешком и вести лошадь в поводу. Если бы не соседские мальчишки, он так бы и сделал. Но он боялся насмешек. А когда во дворе Костюничик слез с седла, ноги окончательно отказались служить ему. Два дня после этого провалился он в постели, поднимаясь только за тем, чтобы поесть, и то присаживался осторожно, на краешек стула. Больше Костюничик не сделал ни одной попытки поехать верхом.

Осенью, вернувшись в школу, он несколько раз с небрежным видом говорил, что летом много ездил верхом, и азартно принимался толковать о шенкелях, тренчиках и прочих вещах, имеющих отношение к верховой езде. Однако на ребят это не производило никакого впечатления. Летом многие побывали в деревне и ездили верхом. Некоторые даже честно признавались, что не знают, где у седла тренчик и для чего он нужен, так как, гостя летом у родственников в колхозах, ездили на лошадях без всяких седел.

Костюничик доучился до девятого класса, а обещанное ма-

терью выдающееся положение все не приходило. Среди своих сверстников он всегда отличался примерным поведением. В первых классах он никогда не принимал участия в мальчишеских играх, нередко кончавшихся междоусобной дракой. И не моральные принципы удерживали его от участия в междоусобицах, а простая боязнь получить затрещину от более смелого противника. Его штанишки и рубаха всегда были чистыми и целыми. На них никогда не было ни пятен, ни дырки – следов отчаянного штурма забора, ограждавшего стадион или фруктовый сад. В старших классах Костюничик был неплохим учеником, но и только. Даже в шахматы его постоянно обыгрывали самые слабые шахматисты школы. На уроках физкультуры он с трудом дотягивался до «удочки». Втайне Костюничик завидовал многим своим одноклассникам. Не раз он думал про себя: «Почему Непринцеву все удастся? На турнире „солнышко“ классно кружит и по математике первый. Учителям он иногда даже дерзит, и все ему за так сходит. Любимчик. Ни с кем не считается. Комсорг Васька Симкин даже боится его, юлит. Все ребята с ним заодно. И чего они нашли в этом Игоре?»

Учился Костюничик в общем неплохо. Посредственную оценку имел только по физкультуре. Дисциплину не нарушал. Комсомольские поручения выполнял добросовестно. Правда, давали эти поручения ему очень редко. Никогда ни с кем он не ссорился, не спорил. И все-таки Костюничик видел, что если завтра он уйдет из школы, никто из одноклассников

об этом не пожалеет. Такое отношение товарищей по учебе задевало болезненно самолюбивого, замкнутого юношу.

Анна Павловна боготворила Костюнчика, и у нее он ни в чем не встречал отказа. Отец держался с ним как старший товарищ. Правда, полковник Турин большую часть своего времени проводил в штабе или в разъездах по гарнизонам. В те же дни, когда полковник был дома, семья в полном составе собиралась только за обеденным столом.

Костюнчик неодинаково относился к отцу и матери. Мать он любил, но не уважал, хотя и сам не понимал этого. Зная, что ни в чем не встретит у матери отказа, он умел использовать эту слепую любовь. Костюнчик был уверен, что стоит ему приласкаться к матери, и она сделает все так, как он хочет. Обычно Костюнчику не хватало «карманных денег», и самым надежным источником их была Анна Павловна.

Правда, и отец мало в чем отказывал сыну. Но здесь нужна была другая тактика. С отцом Костюнчик должен был говорить, «как мужчина с женщиной», и обосновывать свою просьбу убедительными доводами. Нужно сказать, что он умел это сделать неплохо. Все дорогостоящие вещи, вроде фехтовального набора, фотоаппарата, микроскопа, подарил сыну Петр Фомич. Такими увлечениями Костюнчика полковник был очень доволен. Сильно занятый по службе, Турин не интересовался успехами сына в фотографировании, фехтовании или радиоделе. Кроме того, у него с женой давно уже было договорено, что за воспитанием сына должна

следить мать.

Костюничик был очень доволен этим разделением и не тяготился опекой матери. Отца он побаивался, относился к нему с уважением. Правда, к этому уважению у него примешивалась некоторая доля недоверия. Иногда, видя отца в парадном мундире, при всех орденах, Костюничик задумывался: «Наверно, папа на фронте был совсем другим: смелым, решительным. Боевые ордена за так себе не дают. А сейчас он даже с мамой всегда соглашается». Слишком уж не вязалось понятие о героизме с добродушным и немного педантичным человеком, каким был Петр Фомич в домашней обстановке.

К чести полковника Турина надо сказать, что он почти никогда не говорил о своих личных подвигах. Зато Костюничик слышал много рассказов о героизме боевых товарищей отца. Особенно любил Петр Фомич рассказывать о своем большом друге, «настоящем офицере», как всегда подчеркивал он, о полковнике Александре Лобове. В доме Туриных Лобов бывал несколько раз, но почему-то больше любил сидеть с Петром Фомичом в его кабинете, чем в столовой. Костюничу казалось, что друг отца посматривает на него с насмешливым недоумением, словно удивляясь, что у его старого друга имеется такой сын.

– Мама, – просительно заговорил Костюничик, входя вместе с Анной Павловной в столовую, – дай мне немного денег.

– Костюничик! – горестно всплеснула руками Анна Пав-

ловна. – Ведь позавчера я дала тебе пятьдесят рублей.

– Ну и что? Подумаешь, пятьдесят рублей. Юрке Зарифову отец дает по двести рублей каждую субботу.

– Отец Юры министр. У него больше денег, – слабо сопротивлялась Анна Павловна.

– Видишь ли, мама, – солидно заговорил Костюнчик, – мы ведь уже взрослые. У нас в классе большинство ребят получили паспорта. Вот мы и хотим отметить это – собраться, попеть, потанцевать, и чтобы угощение было.

Мать растроганно посмотрела на сына. И в самом деле, по существу, это уже мужчина. Ростом выше отца и матери. «В деда пошел», – умиленно думала Анна Павловна. – Плечи узковатые, но с возрастом, когда возмужает, раздадутся.

– Сколько тебе нужно? – уже сдавшись, спросила она.

– Мы договорились по сто рублей с человека. С девочек ничего не берем. Мы их просто приглашаем.

Анна Павловна начала соображать, как ей из средств, предназначенных на питание, выкроить эти сто рублей. Брать деньги со сберкнижки не хотелось. Но ее расчеты были прерваны звонком. Вернулся полковник Турин. Петр Фомич был чем-то очень расстроен. Он не поцеловал, как обычно при встрече, жену, не зашел в свой кабинет. Пройдя прямо в столовую, он не сел на свое привычное место за столом, а тяжело опустился на диван. Анна Павловна наметанным взглядом сразу определила, что у мужа крупные неприятности.

– Что случилось?! – встревоженно спросила она. – Не

мучь, говори сразу! Переводят?!

– Переводят... – безучастно повторил полковник. – Переводят... и переводят.

– Переводят?! – ужаснулась Анна Павловна. – Куда? В Кушку?! В Термез?! Почему ты согласился? Ведь только начали прилично жить, устроились с квартирой!

– Подожди, – словно вдруг очнулся полковник. – Кого переводят? Куда?

– Да ты только что сказал...

– Ты сегодняшние газеты читала? – устало спросил Турин жену.

Сообразив, что совершилось нечто другое, не угрожающее благополучию ее семьи, Анна Павловна облегченно вздохнула.

– Фу, как ты меня напугал, Петенька. А в газету я еще не успела заглянуть. Все некогда. Я ее еще из ящика не вынула.

Анна Павловна направилась к двери и через минуту вернулась с газетой. С газетного листа, окаймленное широкой траурной каймой, смотрело на нее веселое и жизнерадостное лицо Александра Даниловича.

– Как же это так? – испуганно проговорила она. – Что с ним случилось? Всегда был такой здоровый.

– Да прочитай ты, – раздраженно проговорил Петр Фомич. – Читать-то еще не разучилась?

Анна Павловна, пропустив мимо ушей колкость мужа, прочла коротенькое сообщение о безвременной трагической

гибели Александра Даниловича Лобова и некролог, подписанный его близкими друзьями. У нее на языке вертелись десятки вопросов и догадок, но, взглянув из-за газеты на мрачное лицо мужа, она не решилась заговорить первая.

— Мама, скоро мы будем обедать? — донесся из соседней комнаты голос Костюнчика. — Ведь папа уже пришел.

Петр Фомич встрепнулся.

— Ну, чего же мы не садимся за стол? — спросил он жену наигранно бодрым тоном. — Разве обед не готов? Я, признаться, проголодался.

За обедом Костюнчик и Анна Павловна узнали от Петра Фомича обстоятельства гибели Лобова. Полковник взволнованно рассказывал о том, как скорбели друзья Александра Даниловича, сменявшие друг друга в почетном карауле, как держали себя жена и дети погибшего.

Услышав о почетном карауле, Костюнчик насмешливо покосился на мать.

— Так, значит, точно установлено, что Александр Данилович не сам застрелился? — переспросила мужа Анна Павловна, сделав вид, что не заметила непочтительного взгляда сына.

— Ходила вначале и такая версия, — сердито усмехнулся полковник. — Но ведь только круглый идиот мог подумать, что Саша Лобов застрелился. Не такой это был человек.

— Ну, папа, могут ведь быть различные обстоятельства, — тоном много прожившего человека вмешался в разговор Ко-

стюнчик.

Полковник удивленно взглянул на сына.

– Какие же это обстоятельства? Тяжелая болезнь? Любви-
ная неудача? Так, что ли?

– Ну, разные... всякие... – замялся Костюнчик.

– И из-за любви раньше люди стрелялись, – вставила свое
мнение Анна Павловна.

– Нет никаких обстоятельств, извиняющих самоубий-
ство, – отрезал полковник; затем, после маленького колеба-
ния, добавил: – Кроме, пожалуй, одного...

– Ну вот, видишь, папа! – обрадовался Костюнчик.

– Я считаю, что человек может пустить себе пулю в лоб
только в одном случае, – не ответив на реплику сына, заго-
ворил полковник, – попал в руки врагов на фронте или, ска-
жем, за кордоном. Нет возможности удрать, а сам чувству-
ешь, что не выдержишь, можешь под пыткой государствен-
ную тайну выдать, тогда кончай. Как угодно, а кончай. Стре-
ляйся, вешайся, режься, разбивай себе голову о камень, что
хочешь, то и делай, а кончай. Это не будет самоубийством.
Это смерть в бою.

– Фу, какие ты ужасы говоришь, Петр Фомич, – зажала
уши Анна Павловна. – За обедом – и о таких вещах.

– Подожди, мама, не мешай, – недовольно протянул Ко-
стюнчик. – Но зачем же тогда стреляться, папа? Можно ведь
обмануть врагов. Можно рассказать им что-нибудь не очень
важное, мало секретное, и потом убежать.

– Ты что же, сын, думаешь, что враги у нас дураки наби-
тые, – ответил Петр Фомич. – Нет, Костя. Переговоры с вра-
гом, когда ты у него в лапах, – шутка скользкая. Или молчи,
как немой, что бы они с тобой ни делали, или выходи из иг-
ры.

– А как, по-твоему, папа, стал бы стреляться Александр
Данилович, если бы его фашисты в плен забрали?

– Нет, – без колебания ответил Гурин. – Он бы сам из
фашистов все нервы вымотал. Железной закалки был чело-
век. Помню, когда дрались мы у пяти мостов, Саша – он то-
гда замкомдива был – к нам в полк приехал, – пустился пол-
ковник в воспоминания, не заметив выражения скуки, по-
явившегося на лице Анны Павловны. Ей уже давно надоели
фронтовые рассказы мужа. – Я тогда батальоном командо-
вал. Дали мы фашистам прикурить у одной реки в Белорус-
сии. Река там на пять рукавов разделяется, и через каждый
рукав – мост, метров этак через двести-триста один от дру-
гого. Немцы задали такого драпа, что наша разведка нащу-
пала их далеко за мостами и начала бой, мешая фрицам за-
крепиться. Командир полка приказал мне идти на помощь
разведке. Свернул я батальон в колонну и пошел на первый
мост. Лобов – любимец солдат – тоже с моим батальоном
пошел. Однако оказалось, что немцы мосты заминировали.
Они должны были взрываться минут через пятнадцать один
после другого. Мы этого не знали. Только прошли один мост,
подходим ко второму, – а первый пошел в воздух, перешли

второй – и он прямо за нашей спиной взлетел. Я, признаться, растерялся. Узкая дорога, кругом болото, один ход – через мосты, а они взрываются. Вдруг Саша подает команду: «Бегом!..» Побежал батальон. Третий и четвертый мост перебежали, а перед пятым солдаты дрогнули. Поняли, что мост под ними на воздух взлететь может. Александр Данилович выбежал на мост, встал спиной к перилам, обхватил верхний брус руками и как крикнет: «Вперед, гвардия! Не сойду с места, пока не перейдете!» – запел «Молодую гвардию». Стоит он большой, сильный, красивый и молодой, хотя уже крепко поседевший. Стоит, на солнце щурится и поет нашу старую комсомольскую...

Полковник замолчал. Он смотрел на тарелку с аккуратно нарезанными кусочками хлеба, но не видел ни тарелки, ни стола. Перед ним ожила картина весеннего солнечного утра, когда он со своим батальоном рвался в погоню за врагом через пять неминуемых смертей.

– Ну, а дальше что? – нетерпеливо спросил Костюнич.

– А дальше, – взглянул на сына Турин, – дальше... батальон кинулся через мост. Я и еще несколько человек стали отрывать руки Александра Даниловича от перил, а он рассердился, да как рявкнет: «Капитан Турин – я тогда капитаном был, – ведите батальон, черт вас возьми!» Самым последним с моста сбежал. Только метров с десятков и отошел, как мост взорвался. Александру Даниловичу в спину острый осколок доски воткнулся, чуть не насмерть уложил. С пол-

года в госпитале лежал. А закрепиться на новых позициях мы немцам все же не дали, дальше пошли, – закончил полковник.

– Ешь, – пододвинула к мужу тарелку Анна Павловна, – а то котлеты совсем остыли.

Полковник с недоумением взглянул на поставленную перед ним тарелку, раза два ковырнул в ней вилкой и отодвинул в сторону.

– Спасибо, Аня. Не хочется. Сыт.

– Ах, папа! Как плохо, что вы меня не родили лет на десяток раньше, – неожиданно воскликнул Костюнчик.

Анна Павловна, всплеснув руками, с укором взглянула на сына.

– Это почему? – удивился полковник.

– Тогда бы я тоже побывал на фронте.

– Интересно, почему у тебя по математике пятерки? Считаешь ты очень плохо, – подзадорил сына полковник. – Родись ты на десять лет раньше, тебе ко дню победы было бы всего пятнадцать лет.

– Ну не на десять, а на пятнадцать. Какая разница, – не сдавался Костюнчик.

– Разница огромная, – рассмеялся полковник. – Тогда твоя мама была бы старше тебя всего на тринадцать лет.

– Боже, какие ужасные вещи вы говорите, – возмутилась Анна Павловна. – Прекратите, ради бога. Ты родился как раз вовремя, – напустилась она на сына. Еще не хватало, чтобы

и ты на фронт ушел. Там и мужчинам тяжело, а уж тебе...

– А я кто по-твоему? – обиделся Костюничик.

– Сиди уж ты, вояка, – отмахнулась от сына Анна Павловна.

– А что, неправильно я сказал? – начал сердиться Костюничик. – Раньше вон как интересно было жить. Не то что теперь. Скучота...

– Стой, стой, Костя, – перебил сына полковник. Тут ты, брат, не туда сворачиваешь. Откуда у тебя скука взялась? В театре, в кино бываешь чуть не каждый день. Сколько новых фильмов ты смотрел за этот месяц? А радио? А новые книги, газеты, журналы? Я в твоём возрасте и сотой доли всего этого не имел. Патефон был недостижимой мечтой.

– Но тогда была опасность, риск, борьба, интересно было, – упорствовал Костюничик.

– Смертельная опасность интересна, если на нее смотреть в кино. На практике ничего интересного – даже наоборот. Опасно – и все тут. Для того чтобы опасность не пугала, нужна великая цель. Тогда и риск не страшен. А риск без цели – глупость, бравада.

– А борьба? – вставил Костюничик.

– Что борьба? Борьба еще долго не кончится. И на твой век хватит. Гибель Саши Лобова – не случайность. Он погиб в борьбе. Вот узнают, какая гадина подняла на него руку, и мы увидим, что это рука врага. Так-то вот. А ты говоришь, борьбы нет, неинтересно. Чепуху городишь.

Костюничик знал, что долго отцу возражать опасно. Если полковник рассердится, то без нотации, а может быть, и без неприятных выводов не обойдешься. Он помолчал, тем более что Анна Павловна кинулась на выручку сына.

– Да будет тебе, Петр Фомич! Ты уж готов ребенка прекратить тем, что у него все есть. Наши дети имеют больше, чем имели мы, и правильно. Для чего же иначе и революцию делали?

Но полковник уже остыл. Взгляд его случайно упал на газету с портретом Лобова, лежавшую на диване. Забрав газетный лист, полковник направился в кабинет, бросив на ходу жене:

– Ну, воспитание молодого поколения – это твой участок фронта. Веди боевые действия. Минут через десять он вновь ни шел из кабинета.

– Я, Аня, схожу на часик-два в штаб, поработаю, – сказал он жене. – Закрой за мной.

Полковник шел по вечерней, налитой до краев прохладой улице. Он не замечал ни ярких рекламных огней, ни веселого шума толпы. На сердце лежал камень. Утрата друга была особенно невыносима оттого, что всего лишь три дня назад полковник встретился с ним в коридоре здания Цека. Веселый и оживленный Лобов, радуясь близкому отдыху, звал Турина с собою.

– Поедем, – говорил другу Александр Данилович, – за козлами погоняемся, рыбачить будем, по горам странствовать

будем. Поехали, а то, я вижу, ты уже жиром обрастать начал.

«Может, на самом деле, стоило поехать, — каялся в душе полковник. — Может, и Саша уцелел бы. На двух — не на одного. Не осмелились бы».

Проходя мимо четырехэтажного, занявшего целый квартал здания, полковник взглянул на него и с горьким сожалением подумал: «Как же вы, товарищи чекисты, проморгали? Как допустили, что с Сашей Лобовым какая-то гадина расправиться сумела? Теперь, небось, и кусаете локти, да поздно».

Глава 5. Операция не удалась

Петр Фомич был близок к истине. За толстыми кирпичными стенами четырехэтажного дома, в кабинете полковника Голубкина, шел разговор об Александре Лобове. Перед полковником лежал весь материал дознания, сделанного в «Счастливом».

– Хорошо, что ты не арестовал Бубенца, задумчиво листая протоколы допросов, говорил полковник Кретову. – Тут простое стечение обстоятельств. Дело получается гораздо сложнее, чем могло показаться на первый взгляд. У нас в руках три очень тоненьких ниточки: патрон от пистолета, из которого стреляли в Лобова, отпечаток шины и отпечаток обуви убийцы. Наиболее надежны патрон и след автомашины. Надо найти пистолет, из которого выстрелен этот патрон, и машину, «обутую» в такую необычную шину.

Алексей молчал. Он знал привычку Ивана Федоровича излагать вслух догадки, сомнения и выводы, возникавшие у него при размышлении над расследуемым делом. От присутствовавших при этом сотрудников полковник требовал, чтобы они вмешивались в его рассуждения, спорили с ним, опровергали или признавали ход его мыслей. Такой метод обсуждения он называл «думать вместе и вслух».

– Машину, если она из того района, обнаружит Абдукадыр Мерген, – заговорил Кретов после долгой паузы. – Старик –

опытный следопыт.

– А если машина не районная? – спросил Голубкин.

– Вы думаете, что за Лобовым могли начать слежку еще в городе?

– Возможно, – согласился Голубкин.

– Но ведь это уже... – начал Кретов и не закончил фразу.

– Может и так... Не случайно начальник Республиканского управления милиции приказал мне подробно сообщать о ходе розыска Комитету государственной безопасности. Иногда трудно установить, где кончается уголовное преступление и начинается политическое, – проговорил как бы про себя Голубкин, затем вскинул голову и, внимательно посмотрев на Кретова, спросил:

– Биографию Лобова ты знаешь?

– Не в деталях, конечно, но все-таки познакомился.

– Рассказывай. Что знаю, добавлю. Может быть, и тут найдутся какие-то ниточки.

– Лобов родился в 1897 году, – начал Алексей. – Отец – рабочий Главных железнодорожных мастерских. Александр Данилович с четырнадцати лет начал работать в тех же мастерских вначале учеником, а затем слесарем. В партию вступил в мае шестнадцатого года, а в октябре по предложению партийной организации ушел в армию добровольцем. В дни Февральской революции служил рядовым в первом запасном сибирском полку. В декабре семнадцатого года вступил в Красную Гвардию.

– Девятого ноября семнадцатого года, когда генерал Коровиченко хотел разоружить ненадежные части, Александр Лобов призвал свой батальон не выполнять приказ генерала. Разоружение не состоялось, – дополнил Голубкин.

– А вот этого я не знал, – признался Алексей.

– Продолжай дальше.

– В январе восемнадцатого года Лобов участвует в бою с басмачами Иргаша под Кокандом. В июле восемнадцатого года направлен на курсы красных командиров. С мая девятнадцатого года командует эскадром, постоянно находящимся в боях с басмачами. Награжден боевым оружием от командарма товарища Фрунзе и личным подарком от товарища Куйбышева – именными часами. В августе двадцать третьего года был тяжело ранен.

– В бою с бандой Джумы Пансата под Андижаном, – уточнил Голубкин. – Кроме того, за участие в разгроме отрядов Энвер-паши в августе двадцать второго года награжден орденом Красного Знамени.

– Правильно, – подтвердил Алексей. – Про орден я знал, но думал, что он награжден после ранения.

– Давай дальше, – поторопил Голубкин.

– По излечении, в двадцать пятом году, партия направила Лобова на учебу.

– Да, в Свердловку. Окончил в двадцать восьмом.

– После учебы и до тридцать пятого года Лобов был на партийной работе в Западной Сибири.

– Дважды избирался членом пленума Сибкрайкома, – напомнил полковник.

– Затем до тридцать восьмого – на партийной работе на Дальнем Востоке. В конце тридцать восьмого вернулся в армию. До сорок первого был помощником начальника погранотряда по политчасти. С первого и до последнего дня войны Лобов – в действующей армии.

– Пять ранений, одна контузия, четыре ордена, пять медалей, – вставил реплику полковник.

– Да, за боевые подвиги. И еще один орден Красного Знамени за отличное выполнение правительственного задания в период нахождения ваших оккупационных войск в Германии.

– В каком году вернулся Лобов из Германии?

– В сорок восьмом, в мае, а осенью приехал на работу к нам.

– Ясно, – подытожил Голубкин. – Теперь подумай, какие годы в биографии Лобова были наиболее напряженными в смысле классовой борьбы. Годы войны мы исключаем.

– С семнадцатого по двадцать третий в Туркестане, – после некоторого раздумья ответил Алексей. – Затем с двадцать восьмого по тридцатый – в Западной Сибири и с тридцать пятого по тридцать восьмой – на Дальнем Востоке.

– Дальний Восток мы, пожалуй, тоже исключим, – подумав, предложил Голубкин.

– Почему? – удивился Алексей.

– Особенно напряженная классовая борьба была в те годы, когда Александр Данилович работал в Туркестане и Западной Сибири. На Дальнем Востоке было уже совсем другое. Да и, кроме того, с Дальнего Востока осколки разгромленных в этой борьбе классов обычно не долетали до Туркестана. А вот из Сибири, особенно из Западной, кое-кто добирался и добрался до нашей солнечной республики.

– Да, пожалуй, правильно, – подумав, согласился Алексей.

– Значит, остаются два особо подозрительных источника: последыши басмачей и буржуазных националистов, которых Лобов громил здесь в первые годы Советской власти, и последыши сибирского кулачества, с которыми он схватывался в период коллективизации.

– Но это очень неопределенно. Ведь он сталкивался с десятками тысяч людей, – возразил Кретов.

– И ты думаешь, что я заставляю тебя ковыряться в архивах, – лукаво покосился на него Голубкин, – выискивать, кто за последние сорок лет мог затаить зло на Лобова, и всех подозрительных проверять, где они и чем занимаются в настоящее время. Не бойся, дело не в этом. Хотя и не мешало бы нам почаще заглядывать в архивы, иначе порой забывается то, чего забывать нельзя. Но разговор сейчас о том, чтобы мы в процессе расследования могли ориентироваться на определенный слой людей, учитывать, что преступник, по всей вероятности, будет из этих кругов. Понял?

– Понял, – кивнул головой Кретов.

– Вот эти дружки Бубенца, – вернулся к материалам следствия Голубкин. – Правильно ты сделал, что там их не стал допрашивать. Конкретного против них – ничего, а пригодиться они нам могут. Не надо спугивать. Завтра же дай задание научно-техническому отделу установить, откуда они родом, с кем связаны по прежним преступлениям. Кроме того, позвони в районное отделение милиции, чтобы их там за спекуляцию не взяли. Всю обедню испортят. На базарах за ними установить наблюдение. Выяснить, с кем они связаны. Не через них ли была подана весть, что Лобов выезжает...

Телефонный звонок оборвал слова полковника. Голубкин снял трубку:

– Слушаю. Да. Уже?! Так рано?.. Смотрите не спугивайте... Пусть даже внутрь заходит. Сейчас приеду. Машина подойдет к короткому переулку.

Повесив трубку, полковник взглянул на часы.

– Полдвенадцатого. Это что-то новое. Не обычный прием. Едем, Алеша. Ювелирторг грабят.

– Кто проводит операцию? – вскочил с места Алексей.

– Лейтенант Кариев, – на ходу ответил Голубкин.

Машина, потушив фары, нырнула в густую темноту короткого переулка. Ни одно окно, ни одна дверь или калитка не выходили в этот переулок. Бесшумно прокатившись с десятков метров, машина остановилась. От серой стены отделилась почти сливавшаяся с темнотой фигура человека и подошла к машине.

– Товарищ полковник?.. – негромко окликнул подошедший.

– Да. Это вы, Бабаев?

– Так точно, товарищ полковник. Пойдемте, я вас провожу.

Голубкин и Кретов направились следом за сержантом милиции Бабаевым. Глаза приехавших уже привыкли к темноте, и они хорошо различали серые стены переулка и немощеную, в рытвинах, дорогу. На два десятка метров дальше переулок выходил на ярко освещенную улицу, идущую параллельно Центральному рынку.

– Они подошли со стороны бани, – негромко докладывал Бабаев, – спрятались в промежуток между пивным киоском и хлебным магазином. Оттуда поднялись на крышу хлебного магазина и долго лежали. А когда я пошел за вами, они уже перебрались на крышу Ювелирторга и начали разрезать толь.

Подойдя к концу переулка, все остановились. Голубкин осторожно выглянул из-за угла. Улица была пуста. Кроме нее, работников розыска от места грабежа отделяла вся ширина базара и непрерывная цепь ларьков и магазинов.

– Где Кариев? – негромко спросил Голубкин у сержанта.

– На чердаке училища, где засада, товарищ полковник.

– Стремщиков нет?

– Есть стремщик, товарищ полковник. Он раньше их пришел, во дворе шестнадцатого дома стоит. Там двор проход-

ной. Лейтенант Кариев приказал стремщика пока не трогать. Он совсем старик, убежать не успеет.

– Шестнадцатый, – вслух рассчитывал полковник. – Это вот против того прохода между ларьками. Алеша, перебегай улицу и вдоль ларьков пробирайся к проходу. Как только услышишь, что засада поднялась, задерживай стремщика, я пойду к засаде. Сержант останется здесь: могут и в этот переулок кинуться, когда припечет.

Но план полковника остался невыполненным. Ночную тишину неожиданно пререзал резкий короткий свист.

Почти одновременно послышались окрики: «Стой! Ложись, дьяволы!» и, заглушая человеческие голоса и топот ног, гулко раскатились выстрелы.

– Спугнули! Это стремщик бьет. К шестнадцатому, быстро! – крикнул полковник и выбежал на освещенную улицу.

– Бей в ноги! – слышалась команда, сразу же заглушённая грохотом новых выстрелов.

«Отстреливаются, гады», – подумал полковник, подбегая к ларькам. Перебежав базар, Голубкин и Кретов увидели группу Кариева, преследовавшую двух налетчиков. Оба бандита, видимо, раненые, еле бежали. Хотя Кариева отделяло от них не менее квартала, ясно было, что бандитам от него не уйти. Вот они с трудом добрались до ворот шестнадцатого дома. Сразу же из глубокой ниши ворот навстречу догоняющим плеснул выстрел. В группе Кариева кто-то охнул, но все остались на ногах. «Значит, легко зацепило», – облегченно

подумал полковник и крикнул подбегавшим:

– Не стреляйте во двор! Жильцов перераните!

В воротах снова раздались два выстрела, и затем все смолкло.

Впрочем, забота полковника о жильцах дома оказалась излишней. Многолюдный дом словно вымер. Никто не ото-звался на происшествие во дворе, не пришел на помощь ра-ботникам розыска. А ведь в доме жило немало офицеров и работников, имевших оружие. О них думал полковник, ко-гда запретил своим людям стрелять в глубину двора. Он бо-ялся ранить людей, может быть, спешивших ему на помощь, отрезающих отступление бандитам. Но во дворе было пусто.

Группа Кариева и полковник с Кретовым одновременно подбежали к дому номер шестнадцать. Без выстрела кину-лись в темноту, царившую под глубокой аркой ворот. Тем-нота безмолвствовала: ни выстрела, ни движения.

– Ушли! – зло закричал Кариев, первым вбежавший в во-рота. – Я тебе, Ястребов, морду буду колотить за такие шту-ки.

– Не могли уйти, товарищ лейтенант, ей-богу, не могли, – смущенно оправдывался Ястребов, немолодой, склонный к полноте старшина милиции. – Я того, который в пиджаке, подстрелил. В ногу попал. Он сразу захромал.

Кретов включил фонарик.

– Не убежали! – радостно завопил Ястребов. – Вон они! Оба здесь!

При свете фонарика работники розыска увидели, что на цементном полу у самого выхода во двор лежат люди. Подошли ближе.

— Двое, — наклонился полковник над лежащими. — Алеша, возьми с собой Бабаева и проводника с собакой. Догоняйте старика!

— Есть, — ответил Кретов и, выключив фонарик, кинулся в глубину проходного двора. Сержант Бабаев и проводник побежали следом.

Полковник снова взглянул на лежащих. Оба налетчика уткнулись лицом в пол. По тому, как была вывернута рука одного из них и как неестественно изогнулся другой, можно было безошибочно сказать, что оба мертвы.

— Кто стрелял в бандитов? — сурово спросил полковник.

— Я, — ответил Ястребов. — Вот в этого, в пиджаке. В ногу стрелял.

— И я, — добавил Кариев. — Вон в того и тоже в ногу.

— Переверните тела, — приказал полковник.

Перед работниками розыска лежали двое юношей не старше семнадцати-восемнадцати лет. На отвороте пиджака одного из них блеснул красной эмалью комсомольский значок. Оба были убиты выстрелами в лицо. У одного на лбу, у другого на переносице чернели небольшие отверстия и совсем не было крови. На лицах обоих застыло выражение ужаса и муки.

— Что же это такое, товарищ полковник? — растерянно

проговорил Кариев. – Ведь мы в них стреляли сзади и в ноги.

Полковник опустился на колени около тел и начал их осматривать. Несколько минут царило молчание. С улицы донесен резкий звук заводимой от стартера грузовой машины. Кариев стоял, зажав левую, оцарапанную бандитской пулей руку. Услышав вой стартера, он насторожился и поднял голову. Но звук больше не повторился. Кругом было тихо.

– Оба налетчика вначале были ранены, – заговорил полковник, поднимаясь с колен. – Один ранен в бедро, у другого только глубокая царапина выше колена. Их сообщник, видимо, главарь банды, видя, что эти двое бежать не в силах, пристрелил их и скрылся. Вы что там, гильзы ищите? – окликнул полковник одного из милиционеров, шарившего лучом фонарика по цементному полу. – Не трудитесь. Гильз не будет. Бандит стрелял из нагана.

– Свой своих, – растерянно, с оттенком недоверия проговорил Ястребов. – Что-то не гладко получается.

– Наоборот, очень гладко, – горько усмехнулся полковник. – Ведь они теперь ничего не расскажут, никого не выдадут. А то, что две молодых жизни загублены, так на это их жожаку наплевать. Он только за свою шкуру беспокоится. Вы что же, Ястребов, у бандитов героизм рассчитывали встретить?

Полковнику никто не ответил. Ястребов смущенно опустил глаза. Все печально смотрели на тела юношей, на их молодые, еще не знавшие бритв лица, искаженные гримасами

боли и страха. Может быть, еще сегодня днем они оба сидели за школьной партой. Оба, наверное, боялись получить неудовлетворительную оценку за плохо приготовленный урок.

– Товарищ Кариев, осмотрите карманы убитых, – приказал полковник и только сейчас заметил, что лейтенант зажимает руку. – Что с вами? Ранены?

– Пустяки. Крови совсем нет. Обожгло, наверное. Рукав, однако, испортили. Две дырки, – ответил Кариев, склонившись над убитыми.

– Зарифов Юрий, – прочитал Голубкин в ученическом удостоверении, вынутом из кармана юноши в пиджаке, – ученик девятого класса школы имени Первомая.

У второго юноши никаких документов не было, но на первой странице записной книжки, обнаруженной в его кармане, четким почерком было выведено: «Клебанов Дмитрий». Почти все листки книжки оказались исписанными. Убитый юноша был любителем стихов. Голубкин открыл наудачу одну из страниц. Тем же почерком, что и на первой странице, было написано:

*Разве было мало вечеров и пьянки,
Звонких поцелуев и любви?
Как аккорд любимый дорогой тальянки
Под напевы утренней зари.
Ведь под звон бокалов, песен и гитары
С бледностью прошедших вечеров
Пред тобой в фокстротах преклонялись пары*

«Смотри ты, – удивился Голубкин. – Это же из блатной поэзии тридцатых годов. Давно всеми забыто. Откуда эта зараза снова появилась?»

– Товарищ полковник, – обратился к Голубкину вынырнувший из темноты Кретов, – стремщика задержать не удалось. Мы шли по следу, пока было возможно. Затем след пропал. Оказалось, бандит снял ботинки, перебежал в темном месте улицу и за кустами пошел в обратном направлении. На следующем квартале его ждала машина, и он уехал. Судя по всему, это не старик, а сильный мужчина, способный пробежать порядочное расстояние. След машины мы обнаружили. Похож на тот, что был в «Счастливом». Я у седла оставил Бабаева.

– Ну! Это очень интересно, – оживился Голубкин. – Бери мою машину, поезжай в НТО. Сними отпечатки со следов машины и обуви. Я буду ждать тебя в розыске. Действуй.

Кретов побежал к машине. Отдав Кариеву приказание отправить трупы в морг, а утром обеспечить вскрытие и экспертизу, Голубкин направился в розыск по уснувшим, безлюдным улицам. Ему нужна была прогулка и одиночество для того, чтобы обдумать происшедшее. Его поразили хотя и понятный, но бесчеловечно жестокий поступок главаря банды, а в том, что настороже стоял сам Пахан, атаман шайки, полковник не сомневался. За свою долголетнюю работу в ро-

зыске Иван Федорович многое повидал, но факты вроде сегодняшнего, все же встречались исключительно редко. «Судя по почерку, — думал полковник, — такую штуку мог проделать только Каракурт. Но он уже лет двенадцать не появлялся в Средней Азии. Сейчас Каракурт сидит, отбывает наказание за грабежи на Украине. Амнистировать его не могли, а до конца срока ему около двадцати лет. Неужели от этой гадины появились змееныши?»

Размышления о Каракурте напомнили далекие дни его боевой комсомольской юности.

Глава 6. Страницы прошлого

На одном из крупнейших заводов города не было среди молодежи другого такого боевого паренька, как Ванюшка Голубкин. Жизнь Ванюшки, сына потомственного рабочего, осевшего в Туркестане чуть ли не с 1896 года, с самых детских лет оказалась связанной с заводом. Жил он с отцом и матерью в заводском бараке, весь распорядок в семье регламентировался заводским гудком. Учился Ванюшка в заводской школе и, окончив девятилетку, поступил работать на завод. К двадцать восьмому году это был признанный вожак заводских комсомольцев, отчаянный футболист и самый непримиримый синеглазник. Рабочие любили задорного комсомольца, начальство иногда косилось на него, с полным основанием считая его инициатором разной «бузы» и автором наиболее острых номеров в «Синей блузе», зло критиковавшей промахи заводского руководства. Никого и ничего не боялся Ванюшка Голубкин. Ершистый и правдивый, он не лазил за словом в карман, и если уж находились желающие задеть или ущемить его, то без всякого смущения выкладывал обидчику правду в глаза, не считаясь со служебным положением «контры». Только один человек на заводе приводил в смущение и робость Ванюшку Голубкина – Настенька, ученица-станочница столярного цеха. Было ей всего шестнадцать лет и, кроме голубых глаз, русых волос да

нескольких застиранных ситцевых платьев, она ничего за душой не имела. Нет, было еще одно – голос. Настенька чудесно пела. Голос Настеньки постоянно звенел в заводском хоре, но втянуть ее в «Синюю блузу» не удалось никакими мерами. Очень уж робкая была. Впрочем, Ванюшка, разговаривая с этой смирной синеглазой девушкой, робел еще больше. День, в который ему не удавалось хотя бы издали увидеть Настеньку, Ванюшка считал неполноценным, потерянным днем. А когда встречался, непонятная робость мешала боевому комсомольцу сказать Настеньке, какая она вся необыкновенная. Неизвестно, сколько времени протянулось бы такое положение, если б не один случай.

Весной двадцать девятого года на завод поступил паренек. Направили его чернорабочим в слесарно-механический цех, где секретарем комсомольской ячейки был Ваня Голубкин. Несколько дней присматривался Ваня к пареньку, пока не решил, что он «свой в доску», не летун-сезонник, с завода не уйдет, прочно обоснуется на новом месте. Когда Голубкин, знакомясь с пареньком, спросил, как его фамилия, тот неторопливо снял брезентовую рукавицу, высморкался и, вытерев пальцы о штанину, протянул Ване широкую и твердую ладонь.

– Буераков Гаврила Нефедович, – степенно сообщил он о себе. – Из-под Барнаула к вам прибыл на работу и постоянное жительство. А вы комсомольский секретарь будете?

Заблаговременно познакомившись в отделе кадров с до-

кументами молодого рабочего, Голубкин уже знал, что Буераков – сын бедняка-крестьянина из деревни Каменки, Барнаульского округа. В характеристике, данной Буеракову Каменским сельсоветом, говорилось, что он давно «мечтает получить в городе важнейшие для деревни знания насчет машин и прочего сельскохозяйственного инвентаря».

– Долго думаешь чернорабочим быть? – спросил Буеракова Ваня через несколько дней после знакомства.

– Как начальство решит, – неопределенно ответил тот. – Если заслужу...

– Заслуживать тут нечего, да и не перед кем, – вскипел Голубкин. – Самому надо добиваться. Голова есть? Есть. Руки крепкие? Крепкие. Ну и жми!

– Да кого жать-то? – искоса взглянул Буераков на Голубкина. – Непривычны мы.

Считая разговор законченным, он поплевал на ладонь, натянул рукавицу и взялся за лопату, которой сгребал металлическую стружку, обрезки жести и железа и прочий мусор в угол цеха. Отсюда же на тачке он должен был вывозить его в литейный.

– Учиться надо, – не отставал Ванюшка. – Ты кем хочешь быть? Кузнецом, токарем, слесарем?

– Мне бы слесарить обучиться, – опершись подбородком на руки, сложенные на черенке лопаты, Буераков просительно посмотрел на Голубкина. – Вы бы поговорили с кем надо. Я за угощением не постою.

— Эх ты, деревня! За угощением не постою! — рассмеялся Ванюша, добавив для красоты словечко из «технических». — Мы сейчас за такие порядки с угощением и взятками знаешь куда тащим? В «Синюю блузу», на смех всему заводу. А ты раз хочешь быть слесарем, будешь им. Наша ячейка тебе поможет, в завкоме бузу поднимем. Записывайся в профтехшколу.

С того дня жизнь Гаврилы Буеракова вошла в новое русло. Комсомольская ячейка и в самом деле взялась за него. Он без отрыва от производства начал учиться в заводской профтехшколе и оказался способным и любознательным учеником. В дополнение к профтехшколе комсомольцы в свободные вечера занимались с Буераковым. Лучший на заводе слесарь-комсомолец взял его, как тогда говорили, на буксир, передавал ему свое искусство. Впрочем, и Буераков не оставался в долгу перед ячейкой. Он оказался неплохим гармонистом, а единственное имущество, привезенное им из родной деревни, заключалось в новенькой двухрядке. С тех пор синнеблузый коллектив приобрел себе безотказного, а главное бесплатного гармониста.

Вскоре Гаврик Буераков получил звание слесаря шестого разряда, а комсомольская организация приняла его в члены комсомола. Среди рекомендующих Буеракова в комсомол первая подпись принадлежала Ване Голубкину.

На спевке заводского хора Буераков обратил внимание на Настеньку. Но сразу же он заметил и то, какую роль играет

Настенька в жизни вожака заводских комсомольцев, заметил и благородно отошел, а затем, повернув чуть-чуть в сторону, прилепился к задушевной Настенькиной подруге Кате, работавшей укладчицей в одном цехе с Настенькой.

Дело у них пошло на лад. Молодой, веселый и в то же время рассудительный слесарь и гармонист завладел сердцем Кати. Скоро все на заводе привыкли видеть их постоянно вместе. Дружба Кати с Гавриком помогла наладить отношения Настеньки и Вани Голубкина. И Катя, и Гаврик дружно старались изо всех сил и в конце концов «сосватали» двух любящих, но слишком нерешительных и робких комсомольцев.

Ваня был на седьмом небе. С этих пор он начал считать Буеракова самым лучшим и самым верным своим другом. Ваня знал, что вначале Настенька нравилась Буеракову и тот легко мог не посчитаться с чувствами Голубкина. Но Гаврик оказался настоящим парнем, человеком, на дружбу которого можно положиться.

Дружба Вани и Гаврика росла и крепла. Гаврик был жаден на учебу. Лез из кожи, чтобы узнать побольше или научиться делать лучше. Голубкин же всегда считался одним из лучших производственников на заводе и много времени отдавал книгам, рассчитывая в будущем поступить в институт. Вскоре портрет Буеракова прочно закрепился на заводской Доске Почета рядом с портретом Голубкина. Ваня был доволен успехами друга. Втайне молодой комсомольский вожак гор-

дился тем, что именно он первый заметил среди чернорабочих паренька, приехавшего на завод из Сибири, заметил и помог ему стать знатным человеком в своем коллективе.

В начале тридцать первого года заводская партийная организация приняла Голубкина и Буеракова в кандидаты партии.

У Вани Голубкина в это же время произошло еще одно радостное событие: заводууправление дало ему квартиру во вновь построенном заводом жилым доме. Ваня отпраздновал одновременно новоселье и свадьбу. Настенька стала его женой.

Получил квартиру и Гаврик, но переехал в нее один. На недоуменный вопрос друга, почему же он не женится на Катюше, Гаврик уклончиво ответил:

– А куда торопиться? Погуляю пока молодой. Да и работы невпроворот. Дохнуть некогда, а ты – жениться!..

Работы и в самом деле было много. В начале года рабочие избрали Гаврика в состав завкома. Все реже звенела Гаврикова гармошка на комсомольских вечерах.

Он бесповоротно отошел от веселой, но слишком шумной самодеятельности. Зато на собраниях его молодой рокошующий басок раздавался все чаще и чаще и всегда не попусту, а умно, деловито.

К пятнадцатой годовщине Октября завод досрочно выполнил план. Союзное правительство наградило лучших рабочих завода орденами и медалями. Получили награды и Го-

лубкин, и Буераков. В «Известиях» была напечатана статья об ударниках завода. В этой статье целых два абзаца посвящались Гаврику Буеракову, сыну бедняка из сибирской деревушки Каменки, воспитанному заводским комсомолом, и ныне лучшему ударнику завода.

Авторитет Гаврика среди рабочих рос, как на дрожжах. Поэтому неудивительно, что когда бессменный предзавкома, старый коммунист Семен Петрович Шапочников тяжело заболел, заместителем его избрали Гаврика Буеракова.

– Молодой, а настырный и башковитый, – говорили про него рабочие. – Пусть понемногу приучается к работе, пока старая гвардия жива.

И Гаврик начал приучаться. Нужно сказать, что столь быстрое повышение не вскружило ему голову. Он азартно взялся за работу. Это по его настоянию администрация завода за счет других объектов досрочно закончила строительство двух многоквартирных домов для рабочих. Он добился резкого улучшения работы подсобного хозяйства, и поэтому в орсовской столовой появились в изобилии мясные и мучные блюда. Должно быть, узнав об успехах своего земляка, на завод потянулись сибиряки. Несколько десятков семейств сибирской бедноты расселились в заводских бараках. В каждом семействе было по два-три трудоспособных, и положение с рабочей силой на заводе улучшилось. Всем новоприбывшим землякам Гаврик советовал не искать от хорошего лучшего, закрепляться на заводе, получать квалификацию и

ударным трудом помогать строительству социализма. И земляки Гаврика «ломили во всю силу», работали, не жалея пота.

— Эти с завода не побегут, эти здесь приживутся. Они без всякой вербовки, по собственному желанию приехали, — говорил довольный успехами земляков Гаврик.

Среди всего этого шума Катя незаметно уволилась с завода и уехала из города. Даже Настенька узнала об отъезде подруги не сразу, а через несколько дней..

Ваня Голубкин с удивлением наблюдал за своим другом. Несмотря на всеобщее одобрение, ему очень многое не нравилось в поведении Гаврика. Он никак не мог понять, почему его друг бросил интересную работу в цехе и перешел в завком. Разве нельзя было отказаться? Не пойду, мол, и все тут, молод еще. По глубочайшему убеждению Вани, председателем завкома обязательно должен быть старый рабочий, не один десяток лет проработавший у станка. У такого и опыт большой и авторитет устойчивый. А тут на тебе! Проработал полтора года в цехе и дал деру в канцелярию. И с Катей у него неладно получилось. Больше года дружили, да как дружили, водой не разольешь, а теперь Катя уехала. И уехала молчком, словно сбежала. Сейчас Гаврик, говорят, к машинистке, племяннице директора завода, клинья подбивает. Дурит парень. Придется ему на партячейке взбучку дать, да погорячее.

Но до взбучки дело не дошло. Все завершилось стреми-

тельно и очень неожиданно. Один раз перед сменой Ваня заскочил к своему дружку в завком. Как обычно, он вошел в кабинет, не постучавшись. Гаврик сидел за столом, словно пришибленный, глядя мимо Голубкина в угол остановившимся, ничего не видящим взглядом. На столе перед ним лежал распечатанный пакет.

– Гаврик! Что с тобой?! На тебе лица нет?! – воскликнул Ваня, остановившись в дверях.

Буераков от испуга подскочил на месте. Кинув на Ваню настороженный взгляд, он торопливо скомкал пакет и сунул его в карман пиджака.

– Как ты меня испугал! – хрипло рассмеялся он. – Я сижу, задумался, а ты как гаркнешь...

– Не заболел ли ты? – участливо спросил Голубкин.

– Нет, просто устал очень, – уже полностью овладев собою, ответил Гаврик. – Надо бы поехать отдохнуть. Вот выйдет Семен Петрович, и я уеду.

– Куда ты поедешь, чудило?

– Обратно в Сибирь. Жарко здесь очень, не климат мне.

Рассуждения о климате и переутомлении дюжего, косая сажень в плечах, парня показались Ване неубедительными. Но продолжать разговор было некогда. Гудок повелительно звал Ваню к станку, и он, бросив на ходу: «После смены встретимся», – кинулся в цех.

Однако встретиться им не удалось ни после смены, ни в течение всей декады. Несколько раз Ваня забегал в завком,

но кабинет председателя был заперт. Встречаясь с Голубкиным на территории завода, Буераков первым подбегал к нему, крепко жал руку и кричал:

– Закрутился, понимаешь! Дел невпроворот. Попозже встретимся, поговорим.

У Вани начало складываться впечатление, что Гаврик прячется, старается избежать прямого разговора со своим другом. Стороною он узнал, что Буераков подал в дирекцию заявление об увольнении с завода.

«Что с ним случилось? – недоумевал Ваня. – Это после того письма. Что же было в письме? Может, у него в Сибири девушка или жена осталась?»

Через полмесяца после истории с письмом Семен Петрович Шапочников, побледневший и худой, кожа да кости, вернулся на завод. Организм пожилого человека не окреп даже после месячного лечения в санатории. Поэтому было решено, что Буераков временно останется в завкоме, будет помогать Семену Петровичу.

Гаврик запротестовал. Он говорил, что ему необходимо хотя бы временно, месяца на три-четыре, выехать в Сибирь. Но в парткоме ему просто сказали, что молодому кандидату партии не к лицу быть летуном, что его отпустят с завода, как только Семен Петрович войдет в полную силу. Гаврик подчинился, хотя в нем уже трудно было узнать прежнего энергичного и готового работать дни и ночи парня.

Однажды после первой смены, выйдя из цеха, Голубкин

столкнулся с Любой Кнопкиной – Кнопочкой, как ее любовно называли на заводе за маленький рост и чрезвычайную курносость. Люба, работая техническим секретарем завкома, на учете состояла в ячейке слесарно-механического цеха, где Голубкин, даже став кандидатом партии, продолжал секретарствовать.

– Ваня, я тебя ждала. Мне с тобой посоветоваться надо. Просто ужас, что творится... – взволнованно зачастила Кнопочка, оттянув Ваню в сторону. – Недели три тому назад пришел пакет из Сибири, из села Каменка. Я всю почту нераспечатанной передаю председателю. Просмотрит председатель, тогда регистрирую. Тогда Семена Петровича не было, Гаврик один был. Он всю почту просмотрел и вернул мне, а того пакета, который из Сибири, не вернул. Я спросила его, где пакет. А он говорит, что пакет был личный и его не надо регистрировать. Я сказала, что личные пишутся не на завком, а на фамилии, а все, что идет на завком, надо регистрировать. Он тогда даже прикрикнул на меня, а посмотрел так, как будто укусить хотел. – Любочка захлебнулась, вспомнив причиненную ей обиду, но, справившись с волнением, набрала в грудь воздуха и зачастила с прежней энергией: – А пакет не мог быть личным. Он был адресован председателю завкома. А сегодня, понимаешь, тоже такой пакет пришел. Что теперь делать? Семен Петрович сегодня на работу не выходил. В завкоме только Гаврик. Отдавать ему пакет или не отдавать?

Ваня задумался. Ему не хотелось оскорблять друга подо-

зрением. Ведь получается так, что он не доверяет человеку, которого сам же рекомендовал в комсомол. Но в то же время взволнованный рассказ Кнопочки насторожил его, возбудил еще не оформившиеся подозрения. Вспомнив, каким он застал Гаврика в тот день, когда, видимо, и был получен первый пакет, Голубкин решил:

– Отдай Семену Петровичу. Пусть он вскрыет и прочтет.

Любочка, довольная решением секретаря своей ячейки, повернулась, чтобы идти. Но Голубкин окликнул девушку.

– Подожди, Кнопочка. Пакет у тебя где?

– С собою, – похлопала себя по груди Люба. – Я его решила не оставлять в завкоме. Мало ли что...

– Вот это правильно, – одобрил Ваня. – Знаешь что? Пойдем сейчас вместе на квартиру к Семену Петровичу. Пусть он сегодня его прочтет. Может быть, в пакете что-нибудь очень важное.

В проходной Ваня и Любочка столкнулись с Гавриком. Увидев Голубкина с девушкой, Гаврик дружелюбно, но слишком уж оживленно, закричал:

– Вы куда это вдвоем направились?! Ой, смотри, Ванюшка, все расскажу Настеньке. Она тебе задаст!

Непривычный ко лжи, Голубкин смутился.

– Случайно получилось, – начал он оправдываться. – Я после смены...

– Ладно, ладно, – подсмеивался Буераков. – Знаем мы эти «случайно». Ты мне зубы-то не заговаривай. Они у меня здо-

ровые.

Отмахнувшись от не в меру оживленного Гаврика, Ваня поспешил за ушедшей вперед девушкой. Буераков проводил Голубкина долгим взглядом, но веселую улыбку с его лица, как водой смыло. Хмурый и настороженный, он вошел в свой кабинет в завкоме. На столе лежала целая груда пакетов – свежая почта. Буераков торопливо просмотрел обратные адреса пакетов и, на обнаружив того, который его интересовал и пугал, принялся разбирать почту. Но ему не работалось. Перед глазами так и стояли куда-то торопившиеся Любочка и Голубкин. Через полчаса он запер завком и направился к проходной.

Семену Петровичу и в самом деле сильно нездоровилось. Он лежал в постели одетый, но без сапог, прикрытый большой пуховой шалью жены. Ваню и Любочку старик встретил приветливо и сразу же закричал жене, чтобы ставила самовар. Узнав про пакет, он немедленно потребовал его.

Прочитав первые строки, старик откинул в сторону пуховую шаль и сел в постели, худой, взъерошенный, с двухдневной сивой щетиной на подбородке. С каждой прочитанной строкой его густые, нависшие брови все больше хмурились. Дочитав, он опустил руку с письмом на колени и позвал жену:

– Саночка! Давай быстрее сапоги!

Саночка, седая, как и ее Семен Петрович, уже с минуту стояла в дверях, недовольно глядя на мужа. Она была готова

упрятать Семена Петровича под пуховую шаль, как только он закончит чтение письма. Но, догадавшись по тону мужа, что на заводе случилась беда, она безропотно отправилась на кухню за сапогами.

– Что там написано, Семен Петрович? – не выдержал Голубкин.

Старик протянул Голубкину листок. Буквы запрыгали перед глазами Вани, когда до него дошло содержание письма. Так вот кем оказался его лучший друг, человек, рекомендованный им в члены ленинского комсомола!

В письме трое бедняков села Каменка сообщали, что они прочитали в «Известиях» о награждении рабочего Буеракова Гавриила Нефедовича и очень удивлены ротозейством администрации завода, пригравшей под своим крылышком классового врага и настоящую гидру контрреволюции. Буераков Гавриил Нефедович, – сообщали они, – комсомолец и один из организаторов их колхоза, убит сыном крупнейшего каменского кулака – Самылкиным Игнатом Евтифеевичем еще весной двадцать девятого года. Самылкин после убийства скрылся, забрав с собою документы Буеракова. Отец Самылкина поднял кулацкое восстание, но был пойман и расстрелян осенью в том же двадцать девятом году.

«Мы уже второй раз сообщаем вам об этом, – писали в заключение каменцы. – На первое письмо ответа мы не получили и подумали, не нашел ли Игнашка Самылкин на вашем заводе дружков, которые помогают ему прятать концы в

воду? Отпишите нам, долго ли вы будете цацкаться с врагом мировой революции и колхозного крестьянства. Не послать ли нам на завод своих делегатов, чтобы они объяснили вам, что почем?»

Гневные строки письма, казалось, жгли пальцы Голубкину. Он растерянно уставился на Семена Петровича.

– Дядя Сеня! Что же теперь делать?!

– Прежде всего, молчать, – посоветовал тот, натягивал сапог. – Догадывается этот прохвост о письме?

– Ой, кажется, догадывается, – встрепелась Любочка, успевшая через плечо Вани заглянуть в письмо. – Он меня сегодня спрашивал, нет ли письма из Сибири. Я сказала, что нет, но, по-моему, покраснела.

– Где он сейчас? – спросил Семен Петрович, возясь со вторым сапогом.

– Был в завкоме, – в один голос ответили Ваня и Любочка.

– Позвони на проходную, – кивнул Семен Петрович на телефон. – Узнай, не выходил ли. Из проходной Ване ответили, что Буераков только что вышел с территории завода.

– Ну, значит, почуял, – сурово сказал старик, справившись наконец с сапогами. – Я сейчас в ГПУ пойду. По телефону о таких делах говорить не следует. А ты постарайся глаз не спускать со своего дружка, – не без укора взглянул Семен Петрович на Голубкина.

– Я, дядя Сеня, побегу к нему на квартиру, – вскочил Ваня. – Он, наверное, туда кинулся. Я его живым не выпущу.

– Ну, ну. Ты там поосторожнее. Мертвый он никому не нужен. Просто задержи его. Отвлеки внимание. Да будь осторожнее. Это, видать, хитрый враг. Сделаешь?

– Сделаю, дядя Сеня! Обязательно сделаю!

– А мне куда? – спросила Любочка.

– А ты домой иди, стрекоза. Ты свое дело сделала. Бдительнее всех оказалась, – с отеческой теплотой в голосе ответил Семен Петрович.

Кинувшись на квартиру к Буеракову, Ваня не заметил, что следом за ним бежит девушка.

В те годы окрестности завода представляли собой целую сеть узеньких улочек, переулков и тупичков, вдоль которых теснились слепленные из пахсы или каркасные, на живую нитку домики. Лишь несколько вновь построенных заводом жилых корпусов возвышались над этим скопищем подслеповатых домишек, как огромные слоны среди овечьего стада. Стояли они еще разрозненно, отделенные друг от друга десятками хибарок, только намечая собою широкие улицы и проспекты будущего рабочего городка. В одном из этих домов-гигантов, на третьем этаже, и находилась квартира Буеракова. Дом еще не был полностью достроен. Целые секции еще требовали внутренней отделки и заселения. В секции, где жил Буераков, была готова только его квартира.

Голубкин одним духом взлетел на третий этаж и остановился перед знакомой дверью. Несколько мгновений он колебался. Может быть, позвать на помощь народ и всем ско-

пом навалиться на врага. Но тут же мелькнула мысль: «А может быть, все это окажется неправдой. Может быть, на Гаврика наклеветали, а письмо написано подкулачниками». После минутного колебания он постучал в двери.

Долгое время на стук никто не отвечал. Ваня постучал вторично кулаком по филенке.

– Кто там?! – раздалось из-за двери сразу же вслед за вторичным ударом, и Голубкин догадался: «Значит, он слышал и первый стук. Подкрался к двери и прислушивался». Остатки сомнений в невинности Гаврика пропали. Но раздумывать было уж некогда, и он, собрав волю в кулак, возможно спокойным тоном ответил:

– Это я, Гаврик, открой.

Несколько мгновений за дверью было тихо. Затем проскрежетала осторожно отодвигаемая задвижка, и Буераков otvorил дверь. «Когда же это он успел такую задвижку на дверь приделать? – подумал Голубкин. – Из полосового железа смастерил».

Буераков стоял одетый не в свой обычный костюм, а в поношенные, отвисшие на коленях брюки, черную сатиновую косоворотку и порывевший от времени, сильно засаленный пиджак.

– Ты что это так вырядился? – удивился Голубкин.

– На рыбалку собрался, – лаконично ответил Буераков, запирая дверь на задвижку. – Ты надолго ко мне? Я ведь тороплюсь.

Они вместе вошли в комнату. Бане бросилось в глаза, что на стене за дверью не висит, как обычно, аккуратно завешенная белой простыней парадная одежда Гаврика. Чемодана под кроватью тоже не было, да и сама кровать была застелена старой полинялой тряпкой, я не новым тканевым одеялом, недавно полученным Буераковым по ордеру.

– Собрался, говоришь, – спросил Ваня, останавливаясь у стола посредине комнаты. Буераков отошел к противоположному концу стола.

– Да, ребята давно уже приглашают, – ответил Гаврик, напряженно вглядываясь в лицо Голубкина. – Говорят, на широком плесе сазаны хорошо берут. – Он говорил с лихорадочным оживлением, стараясь прочесть на лице Вани, случайно он зашел сюда или нет.

– Ну, я тороплюсь, – после небольшой паузы напомнил Гаврик. – Мне надо идти. Ждут.

– Повремени немного. Не уйдут твои сазаны, – не двинулся с места Голубкин. «Интересно, есть ли у него оружие? – подумал он про себя. – Кажется, нет».

– Ну, если тебе нравится сидеть у меня, так сиди, а я пошел, – махнул Гаврик рукой. – Когда будешь уходить, захлопни дверь. Замок английский, сам запрется.

– Чего я у тебя в пустой квартире сидеть буду? погоди, пойдем вместе, – отошел от стола Голубкин.

Оба взглянули друг на друга и сразу же отвели глаза в сторону. Самылкин настороженно прислушивался, не раздадут-

ся ли на лестнице шаги, не спешит ли кто на помощь Голубкину. Ему и в самом деле послышался шорох за дверью на лестничной площадке. Ваня заметил, как насторожился его противник и понял, что дальше хитрить бесполезно, но решил выждать. Неожиданно Самылкин в упор посмотрел на Голубкина. В его глазах Ваня увидел ненависть и страх. С минуту они молча смотрели друг на друга.

– Ну что ты ко мне пристал? – сипло, сквозь зубы проговорил Буераков. – Чего тебе надо?

– Многое надо, – с открытой угрозой ответил Голубкин и шагнул к двери, отрезая путь противнику. – Ты отсюда не уйдешь.

Сибиряк сжал кулаки и, пригнувшись, двинулся на Голубкина.

– Пусти, гад, – свистящим шепотом, проговорил он, останавливаясь против Вани. – Все равно уйду.

– Не уйдешь, кулацкое отродье, – бледнея от ярости, приготовился к отпору Ваня.

– А-а-а-а, – промычал Самылкин, – узнали, гады. Донесли. Зубами прогрызусь, а уйду.

Он прыгнул вперед, левой рукой схватил Голубкина за шею и изо всех сил прижался к нему. Ваня уперся кулаками в плечи врага, пытаясь оттолкнуть его, но вдруг почувствовал колющий удар в бок. «Когда же он успел нож вытащить?» – скорее с удивлением, чем с испугом, подумал Ваня, но, оглушенный ударом в голову, свалился на пол.

Отбросив тело Голубкина, Самылкин выскочил на лестницу и захлопнул за собой дверь. И тут его налитые кровью глаза встретились с глазами Любочки. Девушка стояла, прижавшись спиной к перилам, с ненавистью глядя на кулацкого сына. Тот кинулся мимо нее по лестнице. И вдруг эта пичужка, не достававшая Самылкину до плеча, вцепилась своими слабыми руками в его рукав.

– Люди! Держите его, товарищи! Это паразит! – завизжала она так пронзительно, что у Самылкина зазвенело в ушах. Матерясь сквозь зубы, он сжал цепкими пальцами тоненькую, почти детскую шею Любочки и изо всех сил ударил ее головой о каменную стену.

Когда Семен Петрович с сотрудниками ГПУ поднялись по лестнице к квартире Буеракова, первое, что они увидели, было еще совсем теплое, но безжизненное тело маленькой секретарши из завкома. А за запертой дверью хрипел и плевался кровью Ваня Голубкин.

Много месяцев провалялся Голубкин на больничной койке. От приходивших к нему товарищей и от Настеньки он узнал, что поймать Буеракова-Самылкина не удалось. Канул как камень в воду. Узнал Ваня и то, что на заводе произошло несколько крупных аварий. Расследование выявило, что принятые при содействии Буеракова-Самылкина «бедняки из Сибири» оказались кулаками.

Как гром поразила Ваню весть о смерти Семена Петровича. Старый большевик был найден с пробитой головой в од-

ном из кривых переулочков, неподалеку от своего дома. Рабочие были убеждены, что все это дело рук Самылкина и его братии. Тогда-то и прильнула к имени бандита Самылкина кличка Каракурт, что означает Черный паук и не простой паук, а ядовитый, смертельно ядовитый.

Когда Ваня Голубкин вернулся на завод, многое там изменилось до неузнаваемости. Завод реконструировался и расширялся. Окрестности завода расчищались, и на месте прежних мазанок возникали широкие улицы благоустроенного рабочего городка.

Но на заводе Голубкин пробыл недолго. Он очень сурово осудил себя за бездумную доверчивость, за благодушие и слепоту. Партком завода, разбиравший его заявление, решил: «Удовлетворить просьбу члена партии Ивана Голубкина и рекомендовать его для работы в органах розыска, как добровольно решившего посвятить себя борьбе с преступными элементами, посягающими на социалистическую законность и мешающими строительству коммунизма в нашей стране».

В самом начале своего нового пути Голубкин столкнулся с бывшим другом. Самылкин был им «взят на деле», отстреливался и сдался только тяжело раненный. Отлежавшись в тюремной больнице, он употребил все свои силы на то, чтобы запутать следствие. Отрицание всего, что сделано им, обман, клевета, провокация – все было использовано Самылкиным для того, чтобы обелить себя. Но терпеливо, ниточку за ни-

точкой, следователи распутывали клубок его преступлений. Полностью разоблаченный, он предстал перед судом. И тут Самылкин неожиданно изменил тактику. Суд увидел перед собою не закоренелого преступника, а несчастного, изломанного жизнью, ошибавшегося и совершавшего преступления, но глубоко раскаявшегося человека. Самылкин признал все свои преступления, со слезами на глазах говорил о своем «ослеплении классовой ненавистью», о том, что все полностью осознал. В умело произнесенном последнем слове он просил суд не о снисхождении, нет, а о проявлении благородства, благородства класса-победителя по отношению к нему, представителю «озверевшего от жадности кулачества», который, если ему сохранят жизнь, «кровью и телом своим, на самых тяжелых работах искупит свою вину».

Суд приговорил Самылкина к расстрелу, но счел возможным заменить смертную казнь тюремным заключением на десять лет со строгой изоляцией. Через год судья, председательствовавший на процессе, был убит неизвестно кем, а в уголовный розыск республики поступило сообщение, что Самылкин Игнат Евтифеевич несколько месяцев тому назад бежал из-под стражи с места заключения.

Не раз еще перекрещивались пути бандита Самылкина и чекиста Голубкина, но каждый раз обстоятельства отводили их от вооруженного единоборства.

Воспоминания далекой молодости с необычайной яркостью всплыли в сознании полковника Голубкина и, только

поднимаясь по лестнице в свой кабинет, он усилием воли отогнал их.

Кретов и Кариев вернулись в розыск на полчаса позже полковника. Да, не подлежало никакому сомнению, что машина, на которой приезжали в «Счастливое» убийцы Александра Лобова, сегодня ночью стояла в полутора кварталах от места гибели двух молодых преступников. Это категорически утверждали отпечатки необычной шины.

Голубкин несколько минут обдумывал донесение своих помощников. Затем приказал Кретову:

– Наблюдение за магазином Ювелирторга можно прекратить. Установите, кто родители убитых, и пригласите их ко мне завтра к двум дня. Сейчас сосредоточьте все внимание на мотоциклетчиках. Свяжитесь завтра с редакциями республиканских газет и дайте в них сообщение о сегодняшнем происшествии. Центральным мотивом сообщения должен быть факт убийства главарем шайки своих сообщников. Заострите внимание читателей на обстоятельствах дела. Как только главарь шайки увидел, что его подручные ранены и не могут уйти от работников розыска, так сразу же пристрелил их. Второе. Выясните через автоинспекцию, в каких гаражах города есть машины, обутое в трофейные шины. Да, еще одно. В газетных заметках фамилии погибших бандитов напечатать полностью.

Глава 7. Забота о сыновьях

Выйдя из кабинета полковника Голубкина, лейтенант Маджид Кариев заколебался. Собственно, все, что приказал полковник, за исключением вызова родственников убитых, уже было выполнено. Можно было со спокойной совестью отправиться домой, раздеться и нырнуть в постель, теплую и такую заманчивую сейчас, когда на курантах пробило три часа утра. К тому же и оцарапанная бандитской пулей рука, хотя и не особенно сильно, но все же болела. «Жаловалась», как определил про себя состояние собственной руки лейтенант Кариев. В общем, лейтенант Кариев со спокойной совестью мог отдыхать шесть-семь часов.

Но дело в том, что совесть как раз и была очень беспокойным чувством у комсомольца, лейтенанта милиции Маджида Кариева. Свою опасную и полную неожиданностей работу Маджид Кариев любил так горячо, отдавал ей так много времени и сил, что до сих пор даже не успел влюбиться ни в одну девушку. Когда же порой ласковые взгляды девушек останавливались на стройной фигуре лейтенанта, на его тонком, как на согдийских миниатюрах, лице, Маджид невольно краснел и чувствовал в груди необычайное и приятное волнение. Но всегда в такие минуты возникало что-либо такое, что требовало немедленного вмешательства работника уголовного розыска лейтенанта Кариева, и ласковый деви-

чий взгляд заслонялся более важным и неотложным.

А сегодня Кариев вообще не мог бы спокойно отдыхать. Неожиданный трагический финал ночной операции посеял в душе лейтенанта сомнения: правильно ли он поступал, руководя опергруппой? Конечно, никто не может упрекнуть Кариева в гибели двух молодых бандитов, но на душе у него было тяжело. Он сам, его совесть, совесть офицера советской милиции, не признавали скидок на случайность, на то, что формально все правильно. «Такие молодые, им бы жить да жить, – думал Кариев. – Наказали бы их, они бы и одумались. Не такие сосунки, а матерые бандиты, бывает, возвращаются к честной жизни. И эти бы выправились. А вот случилось так, что погибли ни за грош. Конечно, вина Ястребова в том, что стремщик заметил засаду, но операция была доверена мне. Я виноват, что без крови не обошлось».

Кариев потоптался несколько минут в коридоре, заглянул в свой кабинетик и, наконец, махнув рукой на отдых, отправился к дежурному по городу.

Обо всем, что в городе совершается преступного, первым узнает дежурный. Сообщений о происшествиях было уже несколько, но ни одно из них не интересовало Кариева. Попытка взлома магазина швейных изделий, ограбление пьяного, уснувшего на улице, – все это не его дело. Этими фактами займутся другие сотрудники, а Кариева сейчас интересовало только одно – действия грабителей на мотоциклах. Но о мотоциклетчиках никаких сведений не было. Кариев

и дежурный несколько минут потешались над сообщением об ограблении пьяницы, уснувшего в кустах около арыка и раздетого жуликами. Этот пьяница был хорошо известен в городе. По путевкам различных лекционных бюро он часто выступал с лекциями на темы: «Моральный облик советского человека» или «Нормы и принципы советской морали».

– Этот хлюст перебрал сегодня норму, отпущенную ему по моральным принципам, – усмехнулся дежурный.

– А каков сейчас его моральный облик? – шутливо спросил Кариев.

– Облик что надо. В одних трусах привели. Отсыпается в вырезвителе.

– Позвонить бы в лекционное бюро, в котором он работает. Пусть привезут ему во что одеться да заодно посмотрят на этот «облик», – предложил Кариев.

– Не положено. Придется, не предавая огласке, посылать домой за одежкой. Не велено, так сказать, выносить сор из избы.

– А жаль!

– Жаль, конечно, – согласился дежурный. – Да ничего не поделаешь. Установки таковы.

– Кто же тебе такую установку дал?

– Дежурный по управлению полковник Миленький.

– А что, он друг этому пьянице?

– Черт их там разберет. Про это начальство знает. Оно по телефонам разговаривает и каждый день на машине катает-

ся.

— За этим и я к тебе пришел. Дай мне машину, — попросил Кариев. — Я хотя и не начальство, а по городу поездить хочу.

— В погоне за призраками на мотоциклах? — съязвил дежурный. — Валяй. Сегодня ночь не очень шумная. Все дежурные машины в гараже.

Через полчаса Кариев на «Победе» кружил по городу, объезжал места, где чаще всего орудовали преступники на мотоциклах. Из истории семи уже совершенных преступниками ограблений Кариев знал, что иногда налетчики оставляют мотоциклы за квартал-полтора до намеченных жертв, а иногда подъезжают вплотную к ним. Поэтому он внимательно осматривал придорожные кусты и крылечки домов, зная, что как раз около них и могут стоять мотоциклы преступников.

Город спал. На улицах стояла предутренняя прохлада и тишина. Лунные лучи, с трудом пробиваясь сквозь листву деревьев, разукрасили асфальт улицы причудливым кружевом теней. Безлюдне. В эти часы ночи только бессонные патрули да отважные огромные коты с пушистыми хвостами владели всем простором городских улиц.

Поиски Кариева были безрезультатными. Казалось, во всем городе не осталось ни одного мотоциклиста. Только один раз уже в конце объезда, в районе кирпичных заводов, Кариев услышал треск мотоциклетного мотора. Повинуясь движению руки лейтенанта, шофер остановил машину. На

полквартала впереди них из переулка вынырнул мотоцикл и, оглушительно треща мотором, помчался к центру города.

– Давай полную, – приказал Кариев шоферу.

По прямой асфальтированной и совершенно пустынной в этот час улице мотоцикл легко мог бы уйти от «Победы», но он спокойно продолжал ехать, примерно, с сорокакилометровой скоростью. «Или не из шайки, или уводит меня от своих сообщников», – мелькнуло в голове Кариева, когда машина начала сближаться с мотоциклом.

Остановленный мотоциклист оказался подполковником в отставке, едущим на рыбалку. Кариев извинился перед ним за задержку, а тот, добродушно пошутив над промахом лейтенанта милиции, угостил его особенными сигаретами кустарной выделки.

– Это мне фронтовые друзья аж из Молдавии присылают. Здесь таких не ищите. Нет и не будет.

Затем, дружески распростившись с Кариевым, подполковник взобрался на мотоцикл и покатыл дальше, а лейтенант, решив, что продолжать поиски бесполезно, повернул в розыск. Там он узнал у дежурного, что шайка «Три вальта» в эту ночь совершила одно ограбление в скверике, почти в самом центре города.

Ехать домой теперь уже не было никакого смысла. Кариев, подремав часа два-три в комнате дежурного, занялся выполнением поручения полковника. Отыскать родителей Юрия Зарифова оказалось совсем нетрудно. Из школы имени Пер-

вомая, куда он позвонил, ему ответил приятный басок:

– Стыдно, дорогой товарищ, не знать лучших людей республики. Отец Юры – член нашего правительства, министр, уважаемый Насрулла Зарифович Зарифов. А откуда это, собственно говоря, спрашивают? Зачем вам это нужно?

Кариев позвонил в министерство. Ему ответили, что Насрулла Зарифович еще не приходил, и просили позвонить часов около двенадцати. Кариев заколебался. Может быть, позвонить домой? Но опасаясь, что к телефону может подойти не сам министр, а его жена, мать Юрия, он отказался от этой мысли. «Позвоню позднее в министерство. С отцом полковнику легче разговаривать будет», – решил лейтенант, отходя от телефона.

Установить родственников второго налетчика было значительно труднее. Выяснив через адресный стол, где живет Клебанов, Кариев поехал к нему на квартиру.

Кариева встретила маленькая чистенькая старушка. Молодой лейтенант смутился. Как он скажет этой добродушной старой женщине о постигшем ее горе? Но старушка оказалась не матерью, а квартирной хозяйкой Клебанова, вдовой пенсионеркой Марией Васильевной.

– Где он опять пропадает? – напустилась она на Кариева. – Крутите вы ему голову. Сбиваете парня с пути. Ой, дождитесь вы, пойду в милицию и пожалуюсь самому главному. Не дам вам сбивать парня с правильной дороги.

– Да что вы, Мария Васильевна? – опешил лейтенант. –

Кто его сбивает?

– Вот такие вроде вас и сбивают. И крутятся, и крутятся, а чего крутятся – сами не знают.

Кариев показал старушке свое удостоверение и попросил рассказать все, что ей известно о Клебанове и его товарищах. Узнав, что она говорит с работником уголовного розыска, Мария Васильевна страшно перепугалась.

– Господи ты боже мой! – запричитала она, садясь на первый попавшийся стул. – Неужели мой Димка что-нибудь натворил?! Ведь сколько раз я ему говорила, не водись с ними. Они народ набалованный, хулиганистый, им все можно, а ты один, как перст, кто за тебя заступится, кто тебя выручит из беды?!

Кариев попросил Марию Васильевну набраться мужества. Постепенно он подготовил ее к рассказу о том, что произошло сегодня ночью. Узнав страшную правду, старушка залилась слезами. Растерянному Кариеву на время пришлось превратиться в медика. Он подал Марии Васильевне стакан воды. Затем почти по наитию он обнаружил среди флакончиков, стоявших около зеркала, пузырек с валерианкой и заставил плачущую женщину проглотить чуть ли не целую ложку лекарства. Правда, все это помогло очень мало.

Попросив Марию Васильевну сохранить его слова в секрете, Кариев подробно, во всех деталях, рассказал ей обстоятельства гибели Клебанова.

– Вы понимаете, Мария Васильевна, как нам важно узнать

все о вашем квартиранте, — закончил он свой рассказ. — Вы можете, если захотите, помочь нам разыскать тех, кто убил его.

— Не квартирант он мне был, а вместо сына, — начала, всхлипывая, старушка. Мне ведь за комнату, где жил Дима, триста рублей за месяц предлагали, а я ему за сто отдала. Молодой он, одинокий. В детдоме рос. Отца с матерью война сожрала. Жалко мне его стало. Как закончил Дима ремесленное, так и перешел ко мне. Я и постираю ему, и почию, и все это не в счет. На заводе у него вначале все хорошо пошло. Он даже изобретение какое-то сделал. С этого и началась его беда. Мастер это изобретение за себя взял, а его вон потурил. Ну, это вы все сами на заводе узнаете. Я в этих делах не разбираюсь. Дима начал ходить устраиваться. Очень он переживал, что мастер с ним так несправедливо поступил. Денег у Димы совсем не стало. Два месяца за квартиру не платил. Я ему и говорю: «Ничего, Дима, устроишься, а пока давай вместе жить не в счет». Подкармливала я его, чтобы у парня совсем руки не опустились. Потом он столкнулся с Юрой, с министерским сыном. Юра у него раза четыре был. Один раз они оба нетрезвые появились. Я тогда Димку поругала. Промолчал Дима, ничего не сказал. Потом еще один стал захаживать. Высокий такой, черноволосый, тоже узбек, а по-русски, как и Юра, совсем чисто говорил. Этого второго-то Жорой звали. Всегда одет во все дорогое да шелковое. Даже лучше министерского сына одевался. Ну тут и пошло

все по-новому. Смотрю, у Димы деньги появились и немалые. Со мною за квартиру расплатился и даже на платье подарил. Откуда, думаю, у Димки деньги взялись? А он говорит: «Товарищи помогли на стороне подработать». А мне и в ум не пришло ничего худого. Только очень уж мне не нравились эти Димины приятели. Особенно Жора этот самый. Дима у меня был совсем на них не похожий – тихий, ласковый, никого никогда не обидит, а всем помочь готов. У кого из соседей плитка испортится, кастрюля прохудится или пробки перегорят – все к Диме бегут, а у него ни для кого отказа нет.

Кариев не перебивал старушку, давая ей возможность полностью выговориться. Чтобы не беспокоить Марию Васильевну вызовами в розыск, Кариев сразу же записал ее показания и тепло простился. На прощание он еще раз попросил Марию Васильевну никому не рассказывать об их беседе.

Старушка, проводив Кариева до калитки, долго смотрела ему вслед. Дождавшись, когда лейтенант милиции, пройдя два квартала по улице, свернул за угол, Мария Васильевна торопливо отправилась в комнаты. Через несколько минут она вышла одетая, замкнула квартиру на несколько замков и засеменила по улице, настороженно посматривая в ту сторону, куда только что скрылся лейтенант.

Возвращаясь около полудня с доклада комиссару, начальнику управления, полковник Голубкин застал около дверей своего кабинета ожидавшего его посетителя.

– Вы ко мне? – спросил он корректного юношу, одетого, несмотря на жару, в темный шерстяной костюм.

– Мне нужен полковник Голубкин, – поднялся тот со стула.

– Я Голубкин. Заходите, – пригласил полковник, распахивая перед посетителем дверь кабинета. – Чем могу служить?

– Что тут за недоразумение произошло с Юрой Зарифовым? – не отвечая на вопрос Голубкина, спросил юноша, усаживаясь на стул против полковника. – Мне звонили в министерство.

– А вы что, старший брат Юрия Зарифова?

– Простите, – склонил гладко причесанную голову юноша, – я забыл отрекомендоваться, – и, встав со стула, он протянул полковнику руку: – Шукур Вахабов. Референт товарища Зарифова.

– Референт министерства или министра? – с еле заметной иронией переспросил полковник, пожимая руку Вахабова.

– По штату, конечно, министерства, а фактически, то есть практика работы заставляет постоянно быть при министре, – невозмутимо ответил Вахабов.

– А-а-а? – протянул Голубкин. – А почему именно вы пришли вместо товарища Зарифова. Ведь мы приглашали лично Зарифова. Не министра Зарифова, а просто Зарифова, отца, у которого был сын Юрий.

– Почему был? – насторожился Вахабов. – Разве Насрулла Зарифович все-таки решил отправить Юру? Странно. Мне

он об этом ничего не говорил.

– Где сейчас товарищ Зарифов? – сухо осведомился Голубкин.

– Насрулла Зарифович сейчас у себя в кабинете, – важно ответил Вахабов, но, увидев, что полковник протянул руку к телефонному аппарату, забеспокоился. – Прошу вас, не звоните. Не беспокойте Насруллу Зарифовича. Это, так сказать, моя функция.

– Ну, звонить министрам может любой гражданин. Эта функция присвоена не только референтам, – усмехнулся полковник, снимая трубку телефона.

Вахабов, как подброшенный пружиной, вскочил с места и вежливо, но твердо положил руку на рычажок аппарата.

– Простите, пожалуйста, – торопливо заговорил он, – вы меня неправильно поняли. Дело не в звонке, а в том, что следить за делами Юры – это моя функция. Так сказать, из уважения и по личной просьбе Насруллы Зарифовича. Сам Насрулла Зарифович всегда очень занят. Кроме того, врачи настоятельно рекомендуют ему не волноваться. Сын у них не совсем дисциплинированный, несколько своеобразный мальчик. Юра всем обеспечен, ни в чем не встречает отказа и все-таки своим поведением не радует отца с матерью. Неровный характер мальчика очень нервировал Насруллу Зарифовича, а это отнимало у него массу дорогого государственного времени. Ну вот он и просил меня... в порядке личного одолжения следить за Юрой. В школе сейчас

у Юрия все устроилось. Ни одной плохой отметки. По поведению даже пять. Вы мне сообщите, что сделал Юрий, я доложу Насрулле Зарифовичу, и он примет меры. Инцидент будет исчерпан.

Держа телефонную трубку в руке, полковник с недоумением рассматривал почтительно наклонившегося к нему Вахабова.

– Нет, инцидент не будет исчерпан, – раздраженно ответил он, бросив трубку на стол.

– Неужели это так серьезно? – журчал референт министра, поднимая брошенную полковником трубку и осторожно кладя ее на место. – Наверное, опять похулиганил. Он удивительно горячий, недостаточно умеющий владеть собою, нервный мальчик. Ведь последнее время я каждое утро сопровождаю Юрия в школу, а после уроков прихожу за ним. Но вчера у них неожиданно заболела учительница, последней пары уроков не было, и Юрий не дождался меня. Насрулла Зарифович еще ничего не знает, но Юрий не ночевал сегодня дома. Скажите мне, что же он натворил?

– Вы, молодой человек, наверное, в вузе учились? – спросил вместо ответа полковник референта.

– Как же, конечно, учился. Полтора года как закончил.

– Диплом с отличием?

– Безусловно. Иначе меня не взяли бы на работу в министерство. Я ведь...

– За подхалимаж, что ли?! – оборвал Вахабова полков-

ник. — Диплом-то, говорю, с отличием за подхалимаж дали? — повторил он, глядя на ошеломленного референта злыми глазами. — Неужели вам не стыдно быть холуем? Вы же не референт, а лакей у своего министра!

— Какой лакей? Почему лакей? — взвился Вахабов, сразу потеряв свой лоск и безукоризненно гладкий русский язык. — Думаете, если русский, если в органах работаете, так узбеку всякие слова говорить можете?! Я сейчас же...

— Молчать! — загремел полковник. Дурак с дипломом!

Вахабов испуганно замолк, глядя на полковника злыми, прищуренными глазами.

— Идите и передайте вашему министру, что с ним должен был беседовать не я, а наш начальник управления комиссар милиции, — заговорил Голубкин уже спокойным, но нестерпимо холодным тоном. — Комиссар будет ждать министра, — полковник взглянул на часы, — через сорок две минуты. Заодно передайте министру Зарифову, что на этот раз инцидент не будет исчерпан безболезненно. Его сын, бандит Юрий Зарифов, убит сегодня ночью. В смерти Юрия Зарифова больше всех виноват его отец — Насрулла Зарифов. Идите.

Насмерть перепуганный последними словами полковника, референт, пятась, выбрался из кабинета. Через минуту до Голубкина донеслись обрывки разговора. Вахабов из приемной звонил в министерство. Голос референта то замирал от страха, то повышался до визга. Полковник встал и поплот-

нее закрыл дверь.

Сейчас, оставшись наедине с самим собою, Голубкин почувствовал, что им снова овладевает волнение. Ему вспомнилась ночная тьма и два трупа на цементном полу. Разными путями шли эти еще не знавшие жизни юноши к своему бесславному концу. Путь одного из них был сейчас ясен. Высокопоставленный чинуша-отец сам создал условия для того, чтобы раковая опухоль преступного мира убила юношу. Почему у нас так либеральничают с родителями, вырастившими из своих детей преступников? За преступление сына должны отвечать родители, как соучастники преступления.

Лишь через четверть часа Голубкин спохватился, что не доложил комиссару о разговоре с референтом министра. Он позвонил по телефону. Комиссар молча выслушал сообщение полковника.

— Ну что же, — после долгой паузы услышал Голубкин голос начальника управления, — бывают, оказывается, еще и такие отцы. Веди расследование дальше. Похоже, что сегодняшнее происшествие не отдельный случай, а звено из цепи. Вытягивай и эту цепь. Министром тебе больше заниматься не стоит. Он будет отвечать перед своей совестью и перед партией.

В нахлынувшей вслед затем горячке делового дня вчерашнее ночное происшествие и утренний визит министерского прихвостня потускнели, потеряли свою первоначальную остроту. В конце работы дежурный доложил Голубкину:

– Товарищ полковник! Вас там два товарища спрашивают. Из ФЗО.

– Из какого ФЗО? – оторвался от бумаг Голубкин. – Хотя ладно. Все равно. Проси.

В кабинет вошли седовласый сутулый узбек с изборожденным глубокими морщинами лицом и русский, лет двадцати пяти, в костюме офицера, но без погон.

Увидев старого узбека, Голубкин вскочил и кинулся на встречу ему.

– Дядя Рашид! – радостно воскликнул он, – Какими судьбами?! Вспомнили все-таки своего ученика!

Оба обнялись. Усадив старика на стул, Голубкин повернулся к его спутнику.

– Гаранин, – отрекомендовался тот, – заместитель директора ФЗО по культурно-воспитательной работе.

Усадив гостей, Голубкин вернулся на свое место. Лицо его так и сияло. Не часто приходилось ему в последние годы встречаться со старым Рашидом Сафаровым. А ведь когда-то этот седоусый сутулый старик был учителем Ванюшки Голубкина, передал ему свое искусство лучшего токаря завода. И до сих пор полковник Голубкин звал старого токаря почтительно – дядя Рашид и учитель. А тот, не замечая, что его бывший ученик сам уже приближается к порогу старости, называл его Ванюшкой или Ванюшей, если был в особенно хорошем расположении духа.

– Как ваше здоровье, дорогой учитель? Все ли у вас бла-

гополучно? Как здоровье вашей жены и ваших детей? – по-узбекски спросил Голубкин своего бывшего учителя.

Старый токарь сам свободно говорил по-русски. Но Голубкин знал одну слабость своего учителя – старик любил, когда русские начинали с ним разговор на его родном языке. Особенно ему нравилось, когда русский приветствовал его по всем правилам традиционной восточной вежливости. В свое время все ученики старого токаря знали эту невинную слабость старика и, что греха таить, умели пользоваться ею, когда надо было отвести гнев требовательного учителя за промах в работе.

В обычное время Рашид Сафаров ни за что не отказался бы от удовольствия выполнить полный ритуал вежливости, полагающийся при встрече. Подробно сообщил бы о благополучии в своей семье, а затем осведомился бы о здоровье самого Голубкина, о его детях, жене, друзьях и службе. Но сейчас вместо ответа на узбекском языке он отрывисто бросил по-русски:

– Все здоровы. Кто учится, а кто кончил – работает.

Такой ответ не предвещал ничего хорошего. Голубкин с удивлением взглянул на старого токаря. Что с ним? Уж не обокрали ли у него квартиру? Не обидели ли старика хулиганы? Но Рашид Сафаров, не ожидая вопросов, сердито посмотрел на Голубкина, словно тот только что запорол ответственную деталь. «Ну, старик рассердился. Ругаться будет», – подумал Голубкин и с удивлением отмстил, что в ду-

ше по-прежнему побаивается этого колючего, не привыкшего гладить по шерстке старика.

– Тебе что, Ванюшка, бандитов не хватило, так ты токарей стрелять принялся? Да за такое дело с тебя самого стружку снимут.

– Пойдите, дядя Рашид, – удивился Голубкин. – Вы это о чем?

– Ты мне брось заправлять этого самого, араба, что ли? – вскипел старик. – Зачем хвостом крутишь, как... ну, знаешь кто. Рассказывай, как Димку Клебанова убили? Нечего секреты разводить. Димка Клебанов наш парень был! – Затем, повернувшись к своему спутнику, попросил: – Расскажи ты ему нее, а то я сильно ругаться буду.

– Видите ли, в чем дело, – начал Гаранин и, словно желая успокоить старика, положил свою ладонь на сжатую в кулак руку Рашида Сафарова, – Дмитрий Клебанов – выпускник нашего училища, способный, даже больше – талантливый паренек. От нас по разнарядке попал на небольшой металлургический завод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.